Л. А. ЧАРСКАЯ

БИЧО-ДЖАНЪ

Изданіе
Т-ва М. О. Вольфъ

БИБЛИОТЕКА
№ 10
ПРИМЕТЫ

Л. А. ЧАРСКАЯ.

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ И ЮНОШЕСТВА,

ИЗДАННЫЯ Т-ВОМЪ М. О. ВОЛЬФЪ:

*Книги, отмѣченныя въ настоящемъ спискѣ одною звѣздочкою *, допущены Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. въ библіотеки учебныхъ заведеній.*

*Книги, отмѣченныя двумя звѣздочками **, признаны Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. заслуживающими вниманія при пополненіи библіотекъ учебныхъ заведеній.*

Книги, отмѣченныя въ настоящемъ спискѣ кружкомъ ○, рекомендованы Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебн. заведеній для чтенія кадетамъ и допущены въ ротныя библіотеки.

Книги, отмѣченныя „въ перепл.“—переплетены въ цвѣтной коленкоръ, съ золототисненіемъ.

Повѣсти изъ институтской и кавказской жизни.

*○ **ЗАПИСКИ ИНСТИТУТКИ.** Съ илл. А. И. Сударушкина. Изд. 4-е. Ц. въ перепл. 3 р.

*○ **КНЯЖНА ДЖАВАХА.** Съ илл. В. А. Табурина и А. И. Сударушкина. Изд. 5-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

*○ **ЛЮДА ВЛАССОВСКАЯ.** Съ иллюстр. В. А. Табурина. Изданіе 4-е. Цѣна въ переплетѣ 3 р.

ВТОРАЯ НИНА. Съ илл. И. В. Симакова. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

** **ДЖАВАХОВСКОЕ ГНѢЗДО.** Съ иллюстр. И. Гурьева. Изд. 2-е. Ц. въ перепл. 3 р.

Автобіографическія повѣсти.

○ **ЗА ЧТО? Съ иллюстр. И. Гурьева. Изд. 3-е Ц. въ переплетѣ 3 р.

○ **БОЛЬШОЙ ДЖОНЪ.** Съ илл. И. Гурьева. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

НА ВСЮ ЖИЗНЬ. Юность Лиды Воронской. Съ илл. И. Гурьева. Ц. въ переплетѣ 3 р.

ЦѢЛЬ ДОСТИГНУТА Съ рис. И. Гурьева. Ц. въ переплетѣ 3 р.

Повѣсти для юношества.

○ **СЕСТРА МАРИНА.** Съ илл. Е. П. Самокишъ-Судковской. Ц. въ перепл. 3 р.

ЛѢСОВИЧКА. Съ илл. З. Шапиро. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

ПРОДАННЫЙ ТАЛАНТЪ. Съ илл. В. Полякова. Изд. 2-е. Ц. въ папочномъ переплетѣ 60 к.

Историческія повѣсти для юношества.

○ **ГАЗАВАТЪ. Съ илл. І. І. Смукровича. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

** **ГРОЗНАЯ ДРУЖИНА.** Съ илл. худ. С. Панова. Изд. 2-е. Ц. въ перепл. 3 р. 50 к.

○ **ПАЖЪ ЦЕСАРЕВНЫ. Съ илл. А. Бальдингера. Изд. 2-е. Ц. въ перепл. 3 р. 50 к.

○ **СМѢЛАЯ ЖИЗНЬ. Съ илл. Е. П. Самокишъ-Судковской. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

ЖЕЛАННЫЙ ЦАРЬ. Съ илл. И. Гурьева. Ц. въ перепл. 3 р. 50 к.

○ **ОДИНЪ ЗА ВСѢХЪ.** Съ иллюстр. и снимк. съ карт. Нестерова, Новоскольцева, Брюллова и друг. Ц. въ переплетѣ 2 р.

ЕВФИМІЯ СТАРИЦКАЯ Изд. 2-е. Ц. 1 р.

Повѣсти для дѣтей.

БИЧО-ДЖАНЪ. Приключенія кавказскаго мальчика. Съ рис. Е. Лебедевой. Ц. въ перепл. 2 р. 50 к.

ДОМЪ ШАЛУНОВЪ. Съ илл. А. Бальдингера. Ц. въ переплетѣ 3 р.

** **ЗАПИСКИ МАЛЕНЬКОЙ ГИМНАЗИСТКИ.** Съ илл. А. Бальдингера. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

** **ЗАПИСКИ СИРОТКИ.** Съ илл. Э. Соколовскаго. Изд. 3-е. Ц. въ перепл. 1 р. 75 к.

ЛИЗОЧКИНО СЧАСТЬЕ. Съ илл. В. А. Табурина и И. В. Симакова. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

ПЕРВЫЕ ТОВАРИЩИ. Съ иллюстр. Э. Соколовскаго. Изд. 3-е. Ц. въ пер. 1 р. 75 к.

СИБИРОЧКА. Съ илл. И. И. Гурьева. Изд. 2-е Ц. въ переплетѣ 3 р.

○ **СЧАСТЛИВЧИКЪ. Съ иллюстр. худ. И. Гурьева. Ц. въ пер. 3 р.

ТАСИНО ГОРЕ. Съ илл. И. В. Симакова. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

ТРИНАДЦАТАЯ. Съ рисунк. В. Спасскаго. Ц. въ перепл. 3 р.

ЩЕЛЧОКЪ. Съ рис. И. Гурьева. Ц. въ переплетѣ 2 р. 25 к.

ЮРКИНЪ ХУТОРОКЪ. Съ илл. И. В. Симакова. Изд. 2-е. Ц. въ перепл. 2 р. 50 к.

Историческія повѣсти для дѣтей.

○ **ТАКЪ ВЕЛѢЛА ЦАРИЦА.** Съ илл. А. Бальдингера. Изд. 2-е. Ц. въ пер. 1 р. 50 к.

ЦАРСКІЙ ГНѢВЪ. Съ илл. А. Бальдингера. Изд. 2-е. Ц. въ перепл. 1 р. 25 к.

○ **НА РАДОСТЬ ЦАРЕВИЧУ.** Изъ дѣтской жизни имп. Петра В. Съ рис. Е. Лебедевой. Ц. 25 к.

Сказки.

*○ **ВЕЧЕРА КНЯЖНЫ ДЖАВАХИ.** Сказанія старой Барбалэ. Съ рис. Н. Н. Каразина, И. Гурьева и др. Ц. въ пер. 2 р. 25 к.

** **СКАЗКИ ГОЛУБОЙ ФЕИ.** Съ рис. В. Мельникова, Э Шапиро и др. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 75 к.

Разсказы для малютокъ.

КОГДА МЫ БЫЛИ МАЛЕНЬКІЕ. Съ хром. карт. Изд. 3-е. Ц. въ папочн. пер. 90 к.

РЫЖИКЪ И ЧЕРНУШКА. Съ хром. карт. А. Гейера. Изд. 2-е. Ц. въ пап. пер. 1 р. 50 к.

ВОВИКЪ. Полу-быль полу-сказка, съ илл. барона Демерта. Изд. 2-е. Ц. 30 к.

НА КРАЙ СВѢТА. Съ илл. Б. К. Кильверта. Ц. 15 к.

СЧАСТЛИВЫЙ ЦВѢТОКЪ. Съ рис. И. Гурьева. Ц. въ пап. 30 к.

Стихи.

○ **ГОЛУБАЯ ВОЛНА.** Стихи и пѣсни для юнош. съ илл. П. въ пер. 1 р. 75 к.

ВЕСЕЛАЯ ДЮЖИНКА. Книжка стишковъ для маленьк. дѣтей, съ илл. Изд. 2-е. Ц. въ папкѣ 50 к.

СМѢШНЫЯ МАЛЮТКИ. Шутки и прибаутки. Съ рис. Ц. 30 к.

Пьесы.

ЛУЧШІЙ ДАРЪ. Волшебная картина въ одномъ дѣйствіи. Съ рис. М. Кипина. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

А 70

БИБЛІОТЕКА ПРЕММЕНТА
№ 40
Отд I
ПОЛКА I
Шкаф I

БИБЛІОТЕКА ПРЕММЕНТА
№ 40
Отд I
Шкаф I
Полка 1.

Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде

Съ тихимъ плачемъ Магуль бросилась къ стремени...

БИЧО-ДЖАНЪ

ПРИКЛЮЧЕНІЯ КАВКАЗСКАГО МАЛЬЧИКА

ПОВѢСТЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ

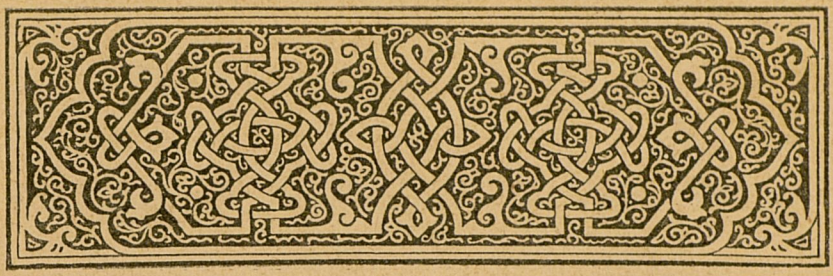
Л. А. ЧАРСКОЙ

Съ рисунками Е. Лебедевой

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
Петроградъ
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 13
Москва
Кузнец. М., 12 и Тверская, 22

ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ва М·О·ВОЛЬФЪ
·ПЕТРОГРАДЪ·ВАС·ОСТР·16 ЛИНІЯ СОБ·ДОМЪ·

Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде



ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
Вступленіе		1
ГЛАВА	I. Кико, Шуша и Илита	3
»	II. Князь Павле. — Непріятные люди. — Счастливая новость	12
»	III. Маленькій Кико—большой пѣвецъ	18
»	IV. Подслушанная тайна	27
»	V. Горный замокъ.—Странный гость	34
»	VI. Оборванецъ Али и князекъ Кико	44
»	VII. Али продолжаетъ потѣшать обитателей горнаго замка	49
»	VIII. Слова бабушки Илиты и Шуши, кажется сбываются	54
»	IX. Ночная бесѣда. — Али оказывается сердечнѣе своихъ господъ	57
»	X. Вѣрная собачка и хищная чекалка.—Барантачи	63
»	XI. Кико плохо сознаетъ дѣйствительность.—Новая обстановка	70
»	XII. Кико узнаетъ, гдѣ онъ	74
»	XIII. Болѣзнь.—Выздоровленіе.—Магуль	81

		стр.
ГЛАВА. XIV.	Пять братьевъ. — Неожиданные враги. — Надъ бездной	88
» XV.	Данное слово.—Новые друзья	94
» XVI.	Новая жизнь. — Заговорившая совѣсть. — Разговоръ въ башнѣ	98
» XVII.	Сборы на темное дѣло.—Обѣщаніе Вано.—Несчастіе	105
» XVIII.	Добромъ за зло	114
» XIX.	Старикъ Гассанъ увозитъ Кико	119
» XX.	Жуткая ночь.—Кико колеблется.—Побѣда	126
» XXI.	«Бѣлая звѣзда».—Странная команда.—Бунтъ	131
» XXII.	Матросы слушаютъ пѣніе Кико.—Новая опасность	138
» XXIII.	Среди морскихъ волнъ	147
» XXIV.	Бичо-джанъ вернулся	150

ВСТУПЛЕНІЕ.

МЕЖДУ тремя морями, вѣчно шумными и гнѣвными, между морями Чернымъ, Азовскимъ и Каспійскимъ, широко и просторно раскинулся дивный край, названіе котораго Кавказъ. Богаче и нарядѣе онъ многихъ и многихъ краевъ, расположенныхъ далеко-далеко кругомъ него. Величественъ Кавказъ, величественна природа его. Его горы, подымающіяся высоко за облака, пропасти, уходящія въ самую глубь земли, рѣки, побѣждающія преграды на своемъ пути, перескакивающія, какъ дикіе звѣри, черезъ острые камни и воющія день и ночь сердитымъ гулкимъ воемъ,—все прекрасно.

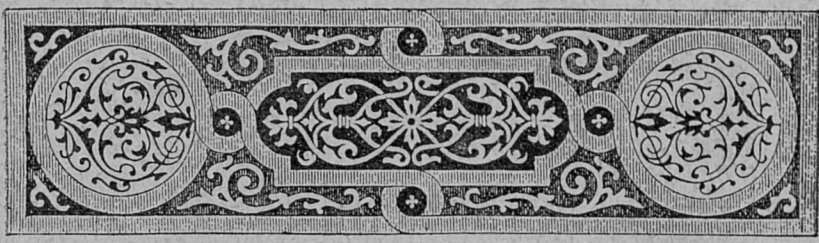
Великолѣпные есть уголки на Кавказѣ и лучшій изъ нихъ—Грузія.

Невелика эта кавказская страна, немного въ ней городовъ, немногочисленно ея населеніе, но красива

она необычайно. Не даромъ ее называютъ жемчужиной Кавказа

Была когда-то Грузія самостоятельнымъ царствомъ, и жилъ ея народъ дико, свободно, шумно и весело. До сихъ поръ на выступахъ ея горъ высятся причудливые замки, гдѣ обитали когда-то храбрые воины, мечтавшіе о славѣ и подвигахъ. До сихъ поръ еще въ горахъ Грузіи живы преданія о давно минувшихъ временахъ. Изъ рода въ родъ передаются тамъ разсказы о далекомъ прошломъ грузинскаго народа и его славныхъ дѣлахъ. Многіе изъ этихъ разсказовъ лишь красивыя сказки, но многіе—истинная быль, хотя тоже похожи на сказку.

Одну изъ такихъ былей я хочу вамъ разсказать. Быть можетъ, въ ней не мало страннаго, невѣроятнаго, но многіе изъ тѣхъ, о которыхъ говорится въ этой были, живы еще и охотно передаютъ всѣ ея подробности своимъ дѣтямъ и внукамъ.



ГЛАВА I.

Кико, Шуша и Илита.

ХУДАЯ коричневая отъ загара старуха Илита вышла на порогъ дома и, заслонившись отъ солнца костлявой рукой, крикнула громко на всю усадьбу:

— Кико! Гдѣ ты, голубь мой? Ступай домой скорѣе: князь уѣзжаетъ!

Крикнула и прислушалась на мгновенье, не отзовется ли ей кто-нибудь изъ густой чащи виноградныхъ кустовъ.

Сначала все было тихо въ чащѣ, только легкій шорохъ да приглушенный пискъ какой-то птички долетали до слуха Илиты. Но вотъ къ нимъ присоединились другіе звуки: сдержанное хихиханье, тихій смѣхъ и неразборчивый шопотъ...

По коричневому сморщенному лицу Илиты скользнула улыбка и заиграла на ея тонкихъ губахъ.

— Вижу теперь, вижу, здѣсь ты! Не укрыться тебѣ отъ моихъ глазъ, горный орленокъ!

Въ ту же минуту съ веселымъ смѣхомъ, визгомъ

и шумомъ двое дѣтей выскочили изъ-за зеленой засады и бросились къ старухѣ. Впереди бѣжалъ мальчикъ, лѣтъ девяти, тоненькій, стройный, чернокудрый. Его красивое смуглое личико задорно и бойко выглядывало изъ-подъ невысокой бараньей шапочки, а синіе яркіе глазенки, казавшіеся еще темнѣе подъ густыми-густыми рѣсницами и черными, гордо выписованными бровками, такъ и искрились, такъ и горѣли шаловливымъ огонькомъ. Одѣтъ онъ былъ въ бѣлый кафтанъ изъ тонкаго сукна, который плотно облегалъ его гибкую фигуру, и въ широкія малиновыя шальвары (штаны); мягкіе сафьяновые сапожки съ кисточками вмѣстѣ съ серебрянымъ поясомъ дополняли его нарядъ. На груди его сверкали блестящіе патронники, а за поясомъ былъ заткнутъ маленькій настоящій кинжалъ.

Слѣдовавшая за мальчикомъ дѣвочка была одѣта въ шелковую верхнюю рубашку, подпоясанную серебрянымъ поясомъ, поверхъ которой былъ надѣтъ нарядный кафтанъ; на головѣ она носила маленькую бархатную шапочку со спускающимся съ нея кисейнымъ покрываломъ. Двѣ тщательно заплетенныя и перевитыя нитями черныя косы спускались у нея на грудь. Если бы не эти косы, дѣвочку можно было бы принять за мальчика, переодѣтаго въ женское платье,— такъ бойко и лукаво поблескивали ея черные глазки, такъ весело и задорно сверкалъ крупными зубами большой, пухлый румяный ротъ.

Какъ только увидѣла старая Илита чернобровую дѣвочку, такъ и накинулась на нее.

Двое дѣтей выскочили изъ-за зеленой засады...

— Ахъ, ты, скверная дѣвчонка! Опять князька нашего, красное солнышко, прятаться въ виноградникѣ научаешь! Опять, не приведи Господи и святая Тамара, онъ себѣ личико поцарапаетъ, платье изорветъ! Какой я тогда дамъ отвѣтъ князю? Подумала ли ты объ этомъ? Вотъ погоди, задамъ я тебѣ за это!

И костлявая бронзовая рука старухи потянулась къ розовому ушку дѣвочки.

Но тутъ мальчикъ съ проворствомъ кошки прыгнулъ между старушкой и дѣвочкой, всѣмъ своимъ тонкимъ тѣльцемъ заслоняя послѣднюю.

— Не тронь, бабушка, Шушу. Я тебѣ пѣсенку за это спою!—крикнулъ онъ весело.

И странное дѣло! Отъ этихъ словъ какъ-то сразу прояснилось лицо старухи. Точно солнечный лучъ озарилъ ея сморщенныя черты, и она проговорила ласковымъ голосомъ:

— О, мой Кико, мой золотой лучъ, розанъ души старой Илиты, спасибо тебѣ за обѣщаніе спѣть. Ты поешь, какъ соловей, мой безцѣнный алмазъ, и нѣтъ для старухи Илиты лучше въ мірѣ пѣсни, какъ твоя, мой бичо-джанъ!

Сказавъ это, старушка наклонилась и обняла мальчика.

Тотъ поморщился. Онъ не любилъ такихъ нѣжностей.

Кико, какъ назвала старушка Илита мальчика, былъ сынъ грузинскаго князя Тавадзе, родъ котораго съ незапамятныхъ временъ жилъ на Кавказѣ и славился своими подвигами еще тогда, когда Грузія, со-

ставляющая теперь часть Кавказа, была самостоятельнымъ государствомъ. А когда Грузія перешла къ Россіи, предки князя Тавадзе прославились многими подвигами, участвуя вмѣстѣ съ русскими войсками въ битвахъ съ непримиримыми племенами Кавказа. Самъ князь Тавадзе не могъ, подобно своимъ предкамъ, проявить боевую отвагу въ схваткахъ съ кавказскими татарами и другими горцами, потому что война давно утихла: дикіе кавказскіе народы были побѣждены соединенными силами русскихъ и грузинъ. И князь Павле Тавадзе въ своемъ помѣстьѣ въ Грузіи мирно занимался домашними дѣлами и воспитаніемъ единственнаго своего сына Кико, рано оставшагося сиротою послѣ смерти матери.

Вся Грузія знала огромныя помѣстья князя Павле. У него были лучшіе виноградники по берегу рѣки Алазани и безконечныя поля, засѣянныя пшеницей, просомъ и кукурузой, вдоль Алазанской долины. Прекрасное имѣніе князя недалеко отъ города Телова славилось на всю Грузію не только своими посѣвами и виноградниками, но и крупнымъ рогатымъ скотомъ, коровами, буйволами, козами, баранами и чудесными лошадьми. И всѣ эти безчисленныя богатства послѣ смерти князя Павле должны были перейти къ его единственному сыну Николаю или, какъ его звали обыкновенно, Кико. Другихъ родныхъ у князя не было. Только гдѣ-то далеко въ горахъ жилъ его дальній родственникъ Вано Мичашвили съ дѣтьми. Про него шли слухи, что онъ промышляетъ какими-то темными дѣлами. Вано изрѣдка наѣзжалъ къ своему богатому

родственнику, чтобы выпросить у него какой-нибудь подарокъ. Князь Павле, хотя охотно помогалъ своему родственнику и одаривалъ его со свойственной ему щедростью, былъ сдержанъ съ нимъ и остороженъ, потому что Вано Мичашвили, по общей молвѣ, былъ злой и корыстный человѣкъ.

Рано осиротѣвъ, Кико воспитывался на рукахъ старой няньки-грузинки Илиты, вмѣстѣ съ ея внучкою Шушою, тою самою дѣвочкою, которая вмѣстѣ съ нимъ спряталась въ виноградникъ.

Шуша была единственная подруга Кико. Онъ ее любилъ. Любилъ потому, что она была такая же ловкая, быстрая, смѣлая, какъ онъ, Кико, и ничего не боялась. Шуша даже кинжалъ носила подъ полой кафтана, точно мужчина-грузинъ, а на лошади скакала не хуже самого Кико.

— Джигитъ она, настоящій джигитъ *), а не дѣвчонка!—часто повторялъ Кико.

Самъ онъ тоже всегда только и мечталъ о томъ, чтобы заслужить лестное, по его мнѣнію, названіе джигита и имѣть случай проявить свои лихость, смѣлость и отвагу. Онъ жалѣлъ, что войны съ горными татарскими племенами давно уже покончены, а то онъ отомстилъ бы за каждую каплю крови, пролитую его предками, и завоевалъ бы всѣхъ горцевъ Дагестана. При одной мысли объ этомъ черныя бровки его сходились на переносицѣ, а синіе глаза дѣлались огненными отъ сверкавшаго въ нихъ пламени отваги.

*) Джигитъ—ловкій наѣздникъ, умѣющій лихо владѣть конемъ и оружіемъ.

И Кико ужасно не любилъ, когда старая Илита обнимала и цѣловала его и нѣжно называла:

— Бичо-джанъ.

«Бичо-джанъ», это по-грузински — душа-мальчикъ, славный, хорошій мальчикъ. Но такъ обыкновенно называютъ маленькихъ дѣтей, а онъ, Кико, не считалъ себя ребенкомъ. И, дѣйствительно, во всей повадкѣ мальчика, несмотря на его шаловливую рѣзвость и дѣтскую несдержанность, было нѣчто указывающее, что онъ развитъ не по лѣтамъ, что онъ храбръ и смѣлъ, точно взрослый юноша.

А тутъ, нате-ка, точно нарочно, Илита или бабушка, какъ привыкъ Кико называть выняньчившую его старушку, обнимаетъ и цѣлуетъ его, какъ какую-нибудь дѣвчонку...

Но Кико не успѣлъ заявить свое неудовольствіе. Онъ увидѣлъ что-то по ту сторону двора и замеръ отъ неожиданности.

Тамъ, на той сторонѣ двора, стоялъ запряженный фаэтонъ. Кучеръ Арзелъ возился около экипажа. Большой кожаный чемоданъ прикрѣпленъ былъ позади сидѣнья.

Въ одну минуту личико Кико вытянулось и поблѣднѣло подъ смуглымъ золотистымъ загаромъ.

— Кто ѣдетъ, бабушка? Неужели отецъ? И надолго? Да говори же скорѣе, бабушка Илита. Надолго отецъ уѣзжаетъ? — кричитъ мальчикъ и въ забывчивости дергаетъ старуху за рукавъ сорочки.

Отъ нетерпѣнія Кико топаетъ ногою, обутой въ

мягкій сафьяновый сапогъ, или, какъ называютъ такіе сапоги въ Грузіи, чевяку.

Кико больше всего въ мірѣ любилъ своего отца. Отлучки изъ дома князя Павле всегда тяжело отзывались на впечатлительной душѣ мальчика. Если чего-нибудь и боялся на свѣтѣ Кико, такъ только какого-нибудь несчастія, которое могло случиться съ его отцомъ. И сейчасъ, услышавъ неожиданную новость отъ своей старой няньки, Кико сдѣлался печальнымъ; едва слушая, что говоритъ ему Илита, онъ уныло опустилъ на грудь чернокудрую головку и поспѣшилъ въ домъ.

ГЛАВА II.

Князь Павле. Непріятные люди. Счастливая новость.

ЗДРАВСТВУЙ, мой Кико. Давно дожидаюсь тебя, соколенокъ.

Высокій черноусый мужчина, лѣтъ тридцати пяти или немного больше, съ величавымъ, нѣсколько гордымъ лицомъ, съ тѣми же синими пламенными глазами, что и у Кико, приподнялся съ пестрой тахты (дивана), на которой полулежалъ съ длиннымъ чубукомъ во рту, и протянулъ руку вошедшему мальчику.

Въ комнатѣ, куда послѣ залитаго солнцемъ двора попалъ Кико, было полутемно и прохладно, несмотря на жаркую іюньскую пору. Оконъ въ ней не было, но вокругъ всего дома князя Тавадзе шла крытая галлерейка, и черезъ нее пропускался дневной свѣтъ въ главную комнату, «кунацкую», какъ называли пріемную для гостей въ домѣ князя. Эта комната была устлана пушистыми мягкими коврами. Вдоль стѣнъ ея помѣщались широкіе, низкіе диваны, тахты, какъ ихъ

называютъ на Кавказѣ, тоже покрытые коврами, а поверхъ ихъ лежали круглыя подушки въ видѣ вальковъ. На полкахъ разставлена была серебряная посуда, турьи рога, замѣнявшіе собою чарки для вина на пирушкахъ, всевозможные ковши и кувшины. На низенькомъ столикѣ, придвинутомъ къ одной изъ тахтъ, стояли серебряныя же чарки, а высокій съ тонкой шеей кувшинъ (кула—по-грузински), до верха наполненный виномъ, стоялъ прямо на коврѣ, слабо сверкая своею гранатнаго цвѣта жидкостью въ слабыхъ лучахъ пробивавшагося дневного свѣта.

Хотя князь Павле Тавадзе и служилъ когда-то въ полку русскаго войска и отлично зналъ европейскую жизнь, но все же, любя всею душою свою маленькую родную Грузію, онъ, выйдя въ отставку въ чинѣ есаула казачьяго полка, держался во всемъ обычаевъ предковъ и весь свой домъ велъ на грузинскій ладъ. И даже одѣвался онъ по-грузински.

Въ глазахъ князя, обращенныхъ къ Кико, было много ласки и отеческой любви, несмотря на то, что онъ казался суровымъ и строгимъ.

— Вотъ онъ каковъ мой мальчикъ! — произнесъ князь съ замѣтной гордостью, указывая сидящему на другомъ концѣ тахты человѣку на своего Кико.

Маленькій князекъ, весь занятый мыслью объ отъѣздѣ отца, тутъ только замѣтилъ двоихъ людей, находившихся въ комнатѣ. Одинъ изъ нихъ — худой, длинный, какъ жердь, въ изрядно потрепанной и запыленной одеждѣ, съ маленькими бѣгающими глазками, былъ Вано Мичашвили, прискакавшій сюда,

очевидно, за подачкой изъ своего «Орлинаго гнѣзда», какъ называлось его помѣстье въ горахъ.

Другой, находившійся здѣсь гость былъ юноша лѣтъ семнадцати, какъ двѣ капли воды похожій на отца, старшій сынъ Вано, Давидка, похожій на горнаго волченка своей взъерошенной головой и неспокойнымъ взглядомъ желтыхъ совиныхъ глазъ.

И дядю, какъ Кико называлъ Вано Мичашвили, и его сына Давидку Кико встрѣчалъ и раньше, и какъ тотъ, такъ и другой своимъ пронырливымъ видомъ и постоянными выклянчиваніями подарковъ были противны открытой и гордой душѣ маленькаго князька.

— А-а! Вотъ и онъ, вашъ Бичо-джанъ, чудный Алазанскій соловей. Здравствуй, красавчикъ Кико! Здравствуй, Бичо-джанъ!—произнесъ Вано, протягивая Кико свою жилистую, сильную, мускулистую ладонь и задерживая въ ней смуглую ручонку маленькаго князька.

Кико ужасно захотѣлось вырвать свою руку изъ руки Вано, но онъ во-время вспомнилъ о томъ, что Вано какъ ни какъ гость у нихъ въ домѣ, а гость считается священною особою не только въ Грузіи, но и на всемъ Кавказѣ. Восточный обычай велитъ почитать гостей, и каждый кавказецъ свято исполняетъ этотъ обычай. Вотъ почему Кико, затаивъ глубоко въ душѣ своей непріязнь къ Вано, о темныхъ дѣлахъ котораго ходили у нихъ въ помѣстьѣ настойчивые слухи, пожалъ его руку и проговорилъ обычную у грузинъ въ такихъ случаяхъ привѣтствующую гостей фразу:

— Будь благословенно появленіе твое въ нашемъ домѣ, дядя Вано!

Потомъ, повернувшись къ его сыну Давидкѣ, поклонился и ему съ тѣмъ же кроткимъ привѣтствіемъ.

Въ это время князь Павле велѣлъ слугѣ наполнить старинныя прадѣдовскія чарки игристымъ виномъ изъ кула и, обращаясь къ сыну, проговорилъ:

— Возьми эту чарку, Кико, и выпей за здоровье дяди Вано и троюроднаго брата Давидки.

Мальчикъ покорно принялъ чарку изъ рукъ отца и осушилъ ее въ честь гостей.

Это было тоже однимъ изъ восточныхъ обычаевъ Грузіи, преступить который было нельзя.

— А теперь, мой соколенокъ,—проговорилъ снова князь Павле, обращаясь къ сыну,—пойди къ Илитѣ и скажи ей, чтобы она принарядила тебя. Черезъ часъ сюда соберутся гости. У насъ предстоитъ большой пиръ. Ты споешь намъ на пиру одну изъ твоихъ славныхъ пѣсенокъ. Да вотъ еще что мой мальчикъ: послѣ пира я уѣду въ Тифлисъ, по дѣлу, на двѣ недѣли, а тебя съ Илитой и Шушой наши люди отвезутъ въ Горный замокъ. Тамъ не такъ жарко, какъ въ Алазанской долинѣ, и легче будетъ моему Кико дожидаться своего отца. А? Что ты на это скажешь, соколенокъ?

Князь Павле закончилъ свою рѣчь лукавой усмѣшкой. Онъ зналъ, что лучшаго удовольствія сыну, какъ поѣздка въ Горный замокъ, пріобрѣтенный недавно у одного изъ разорившихся дагестанскихъ князьковъ, онъ не могъ и придумать. Кико обожалъ эти поѣздки.

Вмѣсто того, чтобы печься на солнцѣ въ лишенной тѣни Алазанской долинѣ и вести однообразную жизнь въ ожиданіи уѣхавшаго отца, онъ попадетъ со своей любимицей Шушей въ Горный замокъ, находящійся среди скалъ и твердынь по дорогѣ въ нагорный дикій Дагестанъ... Правда, Кико было очень грустно разставаться на цѣлыя двѣ недѣли съ отцомъ, но съ другой стороны — поѣздка въ горный замокъ — что это за прелесть! Тамъ и время въ разлукѣ пройдетъ куда скорѣе среди скачекъ на горныхъ лошадкахъ по ущельямъ и лѣсистымъ тропинкамъ, вьющимся, словно змѣйки надъ пропастями. И жары тамъ не почувствуешь даже, потому что замокъ прилѣпился къ откосу скалы подъ огромнымъ утесомъ, защищающимъ его отъ солнца, и, благодаря этому, въ немъ постоянная прохлада и тѣнь.

Кико такъ живо представилъ себѣ чудесное горное убѣжище, что чуть было не позабылъ исполнить приказаніе отца—пойти переодѣться къ пиру. Личико его такъ и сіяло отъ счастья, когда онъ пулей ворвался въ жилыя комнаты княжескаго дома, громко крича отъ радости:

— Бабушка Илита, давай праздничную чаху *), скорѣе... И нарядныя шальвары **) и шапку... Шуша! Шуша, гдѣ ты? Иди скорѣе! Радость-то, радость намъ обоимъ! Слыхала?.. Въ Горный замокъ ѣдемъ. На двѣ недѣли ѣдемъ. На цѣлыхъ двѣ недѣли! Да здравствуетъ Горный замокъ, и скачка по утесамъ, и

*) Одежду.

**) Штаны.

ты, Шуша, мой вѣрный товарищъ здѣсь и въ горахъ!

И отъ полноты чувствъ маленькій князекъ завертѣлся по комнатѣ.

Бичо-джанъ.

Глава III.

Маленькій Кико — большой пѣвецъ.

По старому грузинскому обычаю князь Павле Тавадзе передъ отъѣздомъ давал пиръ.

По приглашенію хозяина помѣстья, на дворъ его дома съѣхалось много фаэтоновъ и скрипучихъ грузинскихъ арбъ, т.-е. двухколесныхъ крытыхъ повозокъ, в которыхъ богатые грузины перевозятъ всякую кладь, а бѣдные или менѣе состоятельные ѣздятъ сами со своими семьями. Нѣсколько верховыхъ коней паслись разсѣдланные и привязанные на длинныхъ веревкахъ къ старымъ чинарамъ, на зеленой лужайке передъ домомъ. Сосѣди, дальніе и ближніе, поспѣшили пріѣхать къ гостепріимному князю Павле со своими женами и взрослыми сыновьями и дочерьми. Многимъ любопытно было взглянуть на Вано Мичашвили и его сына, о которыхъ шла дурная слава, будто они хозяйничали не совсѣмъ честнымъ образомъ у себя въ горахъ. Темные слухи утверждали, что оба Мичашвили, отецъ и сынъ, изъ дальняго горного замка, въ кото-

ромъ они жили, не разъ уводили у сосѣдей-горцевъ коней, а то промышляли и болѣе крупнымъ разбоемъ. Но не пойманъ—не воръ, какъ говоритъ пословица, и однимъ темнымъ слухамъ вѣрить нельзя было. Къ тому же, Вано Мичашвили приходился родственникомъ прославленному богачу, князю Павле, котораго искренно почитали и уважали сосѣди за его готовность помочь имъ въ тяжелую минуту жизни. И, ради великодушія и щедрости князя Павле, именитые князья и простые дворяне, помѣщики, богатые и бѣдные, Алазанской долины не хотѣли даже вѣрить слухамъ.

Съ заходомъ солнца князь Павле долженъ былъ ѣхать въ Тифлисъ по прохладѣ, почему пиръ былъ назначенъ пораньше. Слуги съ ногъ сбились, приготовляя обѣденный столъ.

Несмотря на то, что предки семьи Тавадзе ѣли, по издревле заведенному обычаю, сидя на коврахъ поверхъ мягкихъ подушекъ, поджавъ подъ себя ноги по-турецки, самъ князь Павле въ этомъ отношеніи отступилъ отъ обычаевъ предковъ и угощалъ своихъ гостей за столомъ.

Этотъ столъ буквально ломился подъ тяжестью всякой снѣди. Цѣлый окорокъ жирной баранины, огромное блюдо приправленныхъ пряностей, съ шашлыкомъ (жаренымъ на вертелѣ мясомъ) изъ баранины же, вкусный, ароматный пловъ (родъ похлебки) съ приправой изъ чесноку, жареная дичь съ изюмомъ, пироги изъ персиковъ, винограда, душистые шербеты (сладости),—все это заѣдалось соленымъ квели (сыромъ) и тонкими ловашами-лепешками, замѣняющими собою

въ Грузіи и хлѣбъ и салфетки въ одно и то же время (они такъ тонки, что ими можно вытирать руки), и даже тарелки въ бѣдныхъ семьяхъ. Вмѣсто хлѣба подавалась круто сваренная пшенная каша, нарѣзанная ломтями. Все это запивалось кисловатымъ кахетинскимъ виномъ, цѣлые кувшины котораго то и дѣло наполнялись слугами изъ огромныхъ глиняныхъ чоръ (бочекъ, въ видѣ маленькихъ бассейновъ), находившихся на дворѣ и врытыхъ въ землю.

На каждомъ такомъ пиру изъ среды гостей избирался тулунбашъ, или распорядитель пира, завѣдующій тостами и распоряжающійся ходомъ пирушки. На этотъ разъ гости князя Павле выбрали тулунбашемъ важнаго сѣдого сосѣда-грузина князя Акинадзе и усадили его за столъ на почетномъ мѣстѣ въ прохладной кунацкой. По правую руку его находился Вано съ сыномъ, по лѣвую хозяинъ дома.

За обѣдомъ сидѣли и женщины, хотя по старому дѣдовскому обычаю женщины-грузинки должны сидѣть отдѣльно отъ мужчинъ. Здѣсь же находилась и старая Илита, которую князь Павле считалъ скорѣе за родственницу, нежели за простую служанку, и ея внучка, проказница Шуша, то и дѣло прятавшая подъ чадрою*) свои плутовскіе глаза. Онѣ занимали и угощали женское общество, пріютившееся отдѣльно отъ мужского на дальнемъ концѣ стола

Въ углу примостилось нѣсколько музыкантовъ съ инструментами. Тутъ были и чунгури, родъ гитары, и зурна—грузинскій бубенъ, и барабанъ. Музыканты

*) Женская фата, покрывало, которое носятъ на Кавказѣ дѣвушки.

покрывали музыкою каждый тостъ въ честь гостей, провозглашенный тулунбашемъ. Чествовали поочередно всѣхъ приглашенныхъ гостей.

Къ концу пира лица у всѣхъ раскраснѣлись, всѣ болтали безумолку. Старики, еще помнившіе походы, разсказывали о нихъ, похваляясь своей отвагой. Молодежь со сверкавшими глазами внимательно слушала стариковъ, завидуя старымъ бойцамъ-воинамъ.

Одинъ князь Павле не принималъ, казалось, участія въ общемъ оживленіи и то и дѣло нетерпѣливо поглядывалъ на дверь. Но вотъ зашевелился коверъ у входа, и князекъ Кико, одѣтый въ дорогой изъ голубого сукна бешметъ (кафтанъ), весь расшитый золотомъ и опоясанный драгоцѣннымъ поясомъ—родовымъ сокровищемъ семьи Тавадзе, со сверкающей камнями рукояткой кинжала, заткнутаго за нимъ,—степенной и горделивой поступью, совсѣмъ какъ взрослый человѣкъ, вошелъ въ кунацкую

— А-а, Кико! Здравствуй, Кико, Алазанскій соловушка! Будь здоровъ, соколенокъ-князекъ!—посыпались веселыя привѣтствія навстрѣчу вошедшему мальчику.

Маленькій Кико съ достоинствомъ поклонился.

Всѣ взоры обратились на единственнаго, богатѣйшаго наслѣдника, сына князя Павле Тавадзе.

— Какъ онъ хорошъ!—говорили женщины шопотомъ на своемъ концѣ стола.—Посмотрите, сколько поистинѣ княжескаго величія въ этомъ красивомъ мальчуганѣ!

— Что и говорить, Кико наша гордость! А какъ

онъ поетъ!—вся загораясь отъ счастья за своего друга, шопотомъ восторгалась Шуша.

— О, онъ, вѣрно, унаслѣдовалъ свой серебристый голосокъ отъ покойной матери, — замѣтила одна изъ присутствовавшихъ дамъ. —Покойная княгиня Гемма славилась своимъ пѣніемъ на всю Грузію. Ахъ, какъ она пѣла!

Кико былъ нѣсколько смущенъ пріемомъ, но отнюдь не выказывалъ этого. Ему впервые приходилось выступать во время пира въ качествѣ гогія, то-есть пѣвца. Вотъ почему сердечко мальчика билось тревожно, а краска, то и дѣло, бросалась въ его смуглое лицо. Однако онъ твердымъ шагомъ по чуть замѣтному знаку отца, подошелъ къ дядѣ Вано, глядѣвшему на него изъ-подъ нависшихъ бровей вопросительно и далеко не ласково, и, взявъ въ руки болтавшуюся у него за спиной на шелковой лентѣ чунгури, ударилъ по струнамъ ея и звонкимъ серебристымъ голосомъ запѣлъ ту пѣснь, которую не разъ слышалъ отъ покойной матери, умершей три года тому назадъ, переставляя, однако, имена старой легенды:

Въ горныхъ тѣснинахъ нагорной страны,
Въ замкѣ высокомъ и мрачномъ,
Живетъ храбрый рыцарь со своими дѣтьми
Пятью молодцами-сыновьями.
Пятеро сыновей Вано—орлы молодые,
Пятеро сыновей—мощные лѣсные барсы,
Пятеро сыновей Вано—пять золотыхъ созвѣздій
На голубомъ и прекрасномъ кавказскомъ небѣ.
Первый сынъ Вано—храбръ, какъ его отецъ,
Могучій и сильный и смѣлый Вано Мичашвили,
Зовутъ его—Давидка, и смѣлости его позавидуетъ горный орелъ.
И второй его сынъ—Максимъ безстрашный,

Кико звонкимъ серебристымъ голосомъ запѣлъ пѣснь...

Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде

Онъ затмитъ горнаго джигита дагестанскихъ высотъ.
И третій сынъ - Дато—соперничаетъ съ соколомъ въ поднебесьѣ.
И четвертый—Михако—славится отвагою на всю страну.
И пятый - Горго, хоть и молодъ, но сулитъ стать рыцаремъ, какъ его отецъ и братья...

Еще долго вычислялъ Кико своимъ звонкимъ красивымъ голоскомъ, лившимся прямо въ душу его слушателей, качества своего дяди и троюродныхъ братьевъ. Струны чунгури мелодично звенѣли и переливались, аккомпанируя его пѣснѣ. Глаза всѣхъ были прикованы къ красавцу-мальчику, пѣвшему какъ соловей.

Одинъ только Вано да его сынъ Давидка, казалось, не восторгались пѣніемъ ребенка. Можетъ быть, они чувствовали, что недостойны этихъ, расточаемыхъ имъ пѣснью, похвалъ; можетъ быть, просто завидовали этому юному красавчику-мальчугану, которому улыбалась жизнь и у котораго было все: и неисчерпаемыя богатства, и талантъ пѣвца, такъ почитаемый въ Грузіи, и счастливая, очаровательная внѣшность. А тутъ еще, какъ нарочно, по окончаніи пѣнія гости осыпали похвалами маленькаго пѣвца. Тулумбашъ поднялъ въ его честь полную чашу и громко провозгласилъ на весь столъ:

— Пью за соловушку Алазанской долины, за важнѣйшее изъ сокровищъ князя Павле, за его наслѣдника, маленькаго князька Кико, за гордость и радость дома сего!

И онъ однимъ духомъ осушилъ чашу.

Кико посадили рядомъ съ отцомъ. Женщины, повскакавшія со своихъ мѣстъ, угощали его лакомствами, осыпали ласками и поцѣлуями. Отъ перваго

Кико не отказывался и съ удовольствіемъ уписывалъ за обѣ щеки засахаренные фрукты и конфеты, и душистое сухое варенье, и шербетъ; но отъ поцѣлуевъ уклонялся по обыкновенію. Вѣдь онъ же мужчина—пристали ли ему эти нѣжности?

А между тѣмъ вокругъ него уже кипѣла бесѣда. Говорилось о томъ, какъ была бы счастлива покойная княгиня Гемма, если бы послушала пѣніе своего сынка... И еще говорилось о томъ, что когда вырастетъ онъ, князекъ Кико, и будетъ едва ли не самымъ богатымъ человѣкомъ во всей Грузіи, будетъ ли и онъ такъ же, какъ и его отецъ, помогать бѣднымъ сосѣдямъ.

Князекъ Кико, услышавъ этотъ вопросъ, быстро вскочилъ со своего мѣста и съ пылающими глазами крикнулъ дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ:

— Клянусь святой Ниной, просвѣтительницей Грузіи*), я пойду по слѣдамъ моего отца!

И тутъ же умолкъ внезапно, смущенный собственной горячностью

— Молодецъ Кико! Славно сказано, орленокъ!—послышались кругомъ сочувственные голоса, и нѣсколько чарокъ потянулись къ маленькому князю.

Онъ обвелъ сверкающими глазками столъ и вдругъ вздрогнулъ, смѣшался. Въ упоръ, не мигая, на него смотрѣли съ холодной завистью и злобой двѣ пары угрюмыхъ и мрачныхъ глазъ—глаза Вано и его сына.

---

*) Святая, чтимая всѣми грузинами.

ГЛАВА IV.

Подслушанная тайна.

СОЛНЫШКО только что начало уходить за горы, синѣющія вдали, по ту сторону Алазани, когда гости князя Павле стали разъѣзжаться. Всѣ твердо помнили, что къ ночи гостепріимный хозяинъ долженъ пуститься въ дорогу, и поэтому не хотѣли задерживать его. Вано и Давидка тоже вмѣстѣ съ хозяиномъ должны были одновременно съѣхать съ его двора въ своей двухколесной арбѣ, запряженной волами и теперь доверху нагруженной цѣлой грудой всевозможныхъ подарковъ, безъ которыхъ щедрый владѣлецъ Алазанскаго помѣстья никогда не отпускалъ своихъ родственниковъ.

Но до отъѣзда еще оставалось добрыхъ два часа, и князь Павле предложилъ своимъ гостямъ хорошенько выспаться и отдохнуть передъ дорогой. Ихъ отвели для этой цѣли въ небольшую бесѣдку, устроенную на берегу пруда, всю обвитую виноградными цѣпкими

вѣтвями и утопавшую въ тѣни старыхъ развѣсистыхъ чинаръ.

Въ этой бесѣдкѣ, чудесно пріютившейся въ тѣни зеленаго навѣса, въ жаркія лѣтнія ночи спалъ князь Павле вмѣстѣ съ сыномъ, спасаясь отъ духоты. Теперь ее отдали въ распоряженіе гостей. Самъ же хозяинъ примостился на одной изъ широкихъ тахтъ, вынесенныхъ на плоскую крышу дома, устланную коврами и обведенную перилами. Пуская дымъ изъ длиннаго тонкаго турецкаго чубука, онъ тихо разговаривалъ съ Кико, успѣвшимъ уже переодѣться въ свой повседневный костюмъ.

— Ну, соколенокъ, завтра, съ восходомъ солнца, ты отправишься въ Горный замокъ. Ты радъ этому?— спрашивалъ князь Павле сына.

Кико улыбнулся, сверкнувъ своими бѣлыми, какъ сахаръ зубами.

— Конечно, радъ, отецъ.

— А ты будешь вести себя умно, не будешь отдаляться отъ замка, не станешь скакать на дикихъ коняхъ надъ безднами—словомъ, будешь беречь себя?

— Я постараюсь, отецъ,—весь вспыхивая, отвѣчалъ Кико, сознавая всю трудность подобнаго обѣщанія.

Ахъ, какъ они мечтали оба съ Шушой носиться по горнымъ тропамъ, «какъ бѣсенята», по выраженію старой Илиты.—Неужели же нельзя?

— Отецъ...—нерѣшительно началъ Кико, и глаза его заискрились мольбой,—а если кони не будутъ слишкомъ дики, а горныя тропинки будутъ не через-

чуръ круты и узки, вѣдь мы съ Шушой можемъ немножко поноситься въ ущельяхъ? А?

И мальчикъ лукаво прищурилъ сначала одинъ глазъ, потомъ другой.

Князь Павле засмѣялся и потрепалъ сына по черной головенкѣ. Онъ былъ противъ того, чтобы расточать ласки и нѣжности сыну: —«Кико—не дѣвочка, и не годится пріучать его къ бабьимъ нѣжностямъ»,— часто говорилъ князь. Но это не мѣшало князю горячо и сильно любить своего единственнаго сынишку, лучшее и первое сокровище, которое онъ имѣлъ на землѣ. Передъ двухнедѣльной разлукой князь Павле разрѣшилъ себѣ нѣкоторую вольность: онъ положилъ руку на головку мальчика и, оттянувъ ее немного назадъ, долго, любуясь, смотрѣлъ на смуглое и красивое личико сына. Весь въ мать!... Только глаза иные... глаза князей Тавадзе, синіе, какъ наше кахетинское небо,—говорилъ князь, мечтая вслухъ.—О, Гемма, какъ грустно, что ты не видишь твоего мальчугана, нашего бичоджана... За-чѣмъ ты такъ рано покинула насъ!

Но тутъ князь Павле точно опомнился сразу: нахмурилъ черныя брови, закусилъ губу.—«Не надо, чтобы дѣти видѣли и замѣчали признаки малодушія у старшихъ»,—сказалъ онъ мысленно самъ себѣ и тутъ же, шутливо взъерошивъ черные кудри Кико, уже бодро и весело сказалъ:

—Я думаю, что моему соколенку не надо говорить объ осторожности, которую необходимо соблюдать въ горахъ. Мой Кико слишкомъ благоразуменъ, чтобы не беречься. Не правда ли? И отъ замка онъ

не станетъ отъѣзжать далеко. Ты мнѣ это обѣщаешь, Кико?

— Да, отецъ.

— Помни, мой соколенокъ, что нашъ замокъ въ горахъ—это не Алазанская долина, гдѣ ты находишься въ полной безопасности и гдѣ каждый встрѣчный знаетъ тебя. Горы кишатъ барантачами (грабителями) и, хотя нашъ замокъ самое недоступное мѣсто для нихъ, но зато его окрестности не вполнѣ надежны. Я не уѣду спокойно, соколенокъ, если ты не дашь мнѣ слова не удаляться отъ воротъ безъ стражниковъ; и то только въ дневную пору, когда вполнѣ безопасно, ты будешь покидать нашу крѣпость. А то придется мнѣ оставить тебя здѣсь, на солнечномъ припекѣ, до моего возвращенія. Такъ даешь слово, Кико, исполнить желаніе твоего отца?

— Даю слово, отецъ!—съ готовностью вырвалось изъ груди маленькаго князька.

— Ну, а теперь ступай къ Илитѣ, мой мальчикъ, да вели ей приготовить чего-нибудь прохладительнаго для нашихъ гостей. Пусть угоститъ ихъ, когда они проснутся, а я отдохну немного передъ дорогой. До свиданья, мальчуганъ. Мой бичо-джанъ, до свиданья.

Князь Павле потрепалъ по щекѣ сына и отпустилъ его.

Кико поспѣшилъ исполнить его порученіе, потомъ снова выбѣжалъ въ садъ, отыскивая Шушу чтобы подѣлиться съ нею радостью завтрашняго отъѣзда въ горы.

— Навѣрное, Шуша прячется гдѣ-нибудь побли-

зости въ виноградникахъ или въ зарослях орѣшника: ужъ такая она проказница, эта Шуша,—рѣшилъ Кико, идя по проложенной среди зелени дорожкѣ сада, мимо журчащаго фонтана, зорко вглядываясь въ густо разросшіеся кусты.—Спряталась, непремѣнно спряталась отъ меня, плутовка,—рѣшилъ онъ, погружаясь все дальше и дальше въ самую гущу сада.

Солнце совсѣмъ уже сѣло за горы, и голубоватыя сумерки окутали тихую Алазанскую долину. Четко рисовалась на синемъ небѣ бархатная кружевная листва старыхъ чинаръ, орѣшника и стройныхъ тополей. А вдали курились синимъ дымкомъ своимъ горы.

Взглянувъ на этихъ грозныхъ великановъ, Кико весь такъ и затрепеталъ отъ восторга. Завтра онъ будетъ тамъ. О, какъ онъ любитъ ихъ, эти милыя горы, ихъ пропасти и тропинки, ихъ густо заросшіе лѣсомъ склоны, горный воздухъ и горные цвѣты!

Онъ даже подпрыгнулъ отъ восторга и хотѣлъ было захлопать въ ладоши, какъ неожиданно замеръ на мѣстѣ, услышавъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя человѣческіе голоса.

Кико остановился, какъ вкопанный, и словно приросъ къ мѣсту. Подслушивать то, что говорили другіе, онъ не любилъ,—это было безчестно,—такъ его учили отецъ и бабушка Илита, но... но до уха маленькаго князька ясно долетѣла фраза, сказанная знакомымъ ему голосомъ, принадлежащимъ Вано:—«Воображаю, какъ замечется этотъ надменный и ненавистный князь Павле, когда у него изъ-подъ носа

вытащутъ его соколенка! Что ты скажешь на это, молодецъ?»

Эти слова такъ поразили Кико, что онъ уже не могъ двинуться и весь обратился въ слухъ.

— А то скажу,—отвѣчалъ грубый голосъ Давидки—что не такъ-то легко дѣлается, какъ говорится, отецъ.

— Ну, ну,—хрипло разсмѣялся снова Вано.—Что недоступно въ Алазанской долинѣ, то просто и легко среди стремнинъ Дагестанскихъ горъ. Зато подумай только: если намъ удастся наше дѣльце, то ты и твои братья станутъ прямыми наслѣдниками всѣхъ богатствъ Павле Тавадзе, владѣльцами его роскошныхъ виноградниковъ, его огромныхъ пашенъ и табуновъ. Вѣдь мы единственные родственники этого богача, и послѣ того, какъ исчезнетъ этотъ глупый утенокъ Кико...

— Тише, отецъ! Сюда, кажется, идутъ...—оборвалъ Давидка рѣчь Вано, и въ тотъ же мигъ онъ самъ показался у входа виноградной бесѣдки такъ неожиданно и быстро, что Кико едва-едва успѣлъ отскочить въ сторону и спрятаться за стволомъ столѣтней толстой чинары.

Сердечко мальчика билось шибко. Что это? Или все только что слышанное имъ почудилось ему? Онъ плохо понялъ, что именно говорилось сейчасъ въ виноградной бесѣдкѣ. Но взволнованное сердечко Кико подсказывало ему нѣчто недоброе: Вано и Давидка, такъ хлѣбосольно принятые его отцомъ, такъ щедро одаренные и обласканные имъ, очевидно, замышляли противъ ихъ благодѣтеля что-то дурное. Невольный

страхъ прокрался въ душу Кико. Была минута, когда мальчика неудержимо потянуло броситься къ отцу и разсказать ему обо всемъ имъ только что слышанномъ, но онъ рѣшилъ, что неудобно сейчасъ волновать отца, который, разумѣется, узнавъ обо всемъ происшедшемъ броситъ всѣ свои дѣла и отложитъ поѣздку. А поѣздка, насколько зналъ Кико, была необходима.

«Нѣтъ, ужъ лучше никому не говорить о случайно подслушанномъ разговорѣ и только быть осторожнымъ въ горахъ и никуда не отлучаться изъ замка. А трусить поѣздки въ горы смѣшно и глупо; вѣдь онъ, Кико, джигитъ, а никакая опасность не должна быть страшна джигиту», рѣшилъ мальчикъ и, выхвативъ изъ-за пояса свой дѣтскій кинжальчикъ, краснорѣчиво погрозилъ имъ въ сторону виноградной бесѣдки. Затѣмъ ловко и безшумно, какъ кошка, онъ сталъ красться къ дому, прячась за кустарниками и за стволами деревьевъ.

Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде

ГЛАВА V.

Горный замокъ.—Странный гость.

ГОРНЫЙ замокъ князя Павле Тавадзе пріютился въ одномъ изъ ущелій Дагестанскихъ горъ. Плотно обступили его со всѣхъ сторонъ горныя стремнины, заросшія лѣсомъ. Мохнатыя чинары, дикій орѣхъ, тополь и каштанъ покрываютъ склоны горъ. Дальше, въ высь и въ глубь Дагестанскаго края, природа постепенно мѣняется,—и, наконецъ, каменныя громады представляютъ собою однѣ только голыя скалы, кое-гдѣ усѣянныя кустами архани (родъ ползучей колючей растительности). Но если тамъ, глубоко въ горахъ, кавказская природа бѣдна растительностью—здѣсь, у входа въ долину, откуда вся Алазань видна, какъ на ладони, вокругъ замка Тавадзе, все такъ пышно зеленѣетъ и цвѣтетъ. Красивые горные лѣса со всѣхъ сторонъ обступили замокъ; сочныя пастбища, поросшія травою, пріютились по склонамъ горъ; прелестные цвѣты дикихъ розъ, азалій и ярко

красные, алые хлопья гранатника—все это пестрѣло нарядным ковромъ по горнымъ склонамъ.

Самый замокъ окруженъ каменною стѣною съ крѣпкими воротами. Когда-то, еще недавно, онъ принадлежалъ одному дидойскому князю и выдержалъ нападеніе во время войны. Въ замкѣ—большой дворъ, поросшій травою, и посреди него—главный домъ, похожій на татарскую саклю, только гораздо больше такой сакли, съ плоской кровлей, подъ которой второй этажъ выдается надъ первымъ, образуя небольшую галлерейку, идущую вокругъ всего дома. А рядомъ съ главнымъ зданіемъ высится надъ стѣною замка круглая сторожевая башня, откуда прежніе обитатели выслѣживали врага. Въ противоположной сторонѣ двора—пристройки для прислуги и для чепаровъ (стражниковъ), которые служатъ князю Павле не только для того, чтобы охранять замокъ, но и для наблюденій надъ табунами овецъ и лошадей, которыя пасутся въ горныхъ тѣснинахъ и только на ночь загоняются въ стойла замка. Князь Павле большой любитель горныхъ лошадокъ, и цѣлые табуны ихъ имѣются у него въ горахъ. Великолѣпныя горныя овцы съ шелковистою шерстью живутъ тутъ же по сосѣдству съ конями. Въ Алазанской долинѣ ни тѣхъ, ни другихъ держать нельзя: они вытопчутъ пшеницу, просо и кукурузу, которыми засѣяны огромныя поля князя. И вотъ князь Павле обратилъ когда-то боевой замокъ въ хранилище своихъ четвероногихъ любимцевъ.

Уже вторую недѣлю живетъ маленькій Кико въ горномъ замкѣ.

Какое разочарованіе! Не такого времяпрепровожденія ожидалъ онъ отъ своей жизни здѣсь. Бабушка Илита не спускаетъ глазъ со своего любимца. Чуть выглянетъ за ворота Кико, она тутъ-какъ-тутъ.

— Куда! Куда, голубь мой! Назадъ ворочайся. Не приведи Господь, скатишься въ бездну, либо душманъ (разбойникъ) тебя захватитъ. Ступай, ступай къ дому. Ступай, испекъ тебѣ поваръ медовыхъ лепешекъ съ персиковымъ вареньемъ. Хороши лепешки! Попробуй, голубь мой!

Нечего сказать! Нашла чѣмъ утѣшить! Лепешками! Ну, ужъ и бабушка! Точно онъ, Кико, маленькій мальчикъ, а не джигитъ. И разбойниками тоже пугать вздумала! Точно онъ дѣвчонка. Да разбойники далеко въ глуши хозяйничаютъ, а сюда они и носа показать не смѣютъ. У нихъ въ замкѣ шесть человѣкъ чепаровъ-охранниковъ, да столько же мужской прислуги; а всѣ стѣны обвѣшаны ружьями да кинжалами и, кромѣ того, двѣ маленькія горныя пушки стоятъ на башнѣ. Развѣ посмѣютъ приблизиться къ замку разбойники, у которыхъ ничего нѣтъ, кромѣ рваной одежонки да притупленнаго кинжала? Какъ бы не такъ! И какихъ такихъ душмановъ разбойниковъ бабушка выискала? Просто, это рваные байгуши, нищіе, которые и курицы-то украсть не посмѣютъ.

И Кико презрительно поджимаетъ губки. Скоро и конецъ его житью здѣсь, а онъ еще и не наскакался,

какъ слѣдуетъ, на быстрыхъ огневыхъ горныхъ лошадкахъ.

Правда, ежедневно они съ Шушой совершаютъ поѣздки въ горы, но съ ними неразлучно скачутъ два чепара, одинъ спереди, другой сзади, и то-и-дѣло удерживаютъ, когда Кико хочетъ умчаться впередъ.

— Нельзя, батоно-князекъ. Нельзя. Князь Павле шибко бранить будетъ слугъ своихъ, ежели что случится.

«А что можетъ случиться? Ничего не случится!» —съ сердцемъ думаетъ Кико, съ завистью поглядывая по сторонамъ, и хмуритъ свои черныя бровки.

«Ужъ скорѣе бы отецъ пріѣзжалъ. Съ нимъ вдвоемъ куда пріятнѣе умчаться въ горы»,—думаетъ Кико и понуро возвращается съ прогулки домой.

* * *

Тихій лѣтній вечеръ таетъ въ горяхъ. Курятся голубымъ дымкомъ бездны. Алымъ заревомъ обливаетъ горы заходящее солнце. Пастухъ только что пригналъ козъ изъ ушелья и тихо наигрываетъ у воротъ на своей свирѣли. Шестеро чепаровъ отряжаютъ вмѣстѣ съ конюхомъ табуны въ ночное. Другіе шестеро, вмѣстѣ въ поваромъ изъ бывшихъ казаковъ и съ дворецкимъ Петро, джигитуютъ на дворѣ, стараясь развлечь маленькаго князя. Они скачутъ вокругъ двора на неосѣдланныхъ лошадяхъ и тупыми концами пикъ и рукоятками кинжаловъ стараются вышибить другъ друга изъ сѣдла, или, на всемъ скаку, свѣсив-

шись до земли, ловятъ ртомъ нарочно для этого уроненный на землю предметъ.

Кико лежитъ на коврѣ, устилающемъ кровлю дома, среди мутаковъ (подушекъ) и мѣховыхъ подстилокъ, и нехотя кушаетъ разставленныя передъ нимъ заботливыми руками Илиты сласти: здѣсь и засахаренные фрукты на подносѣ, и орѣхи, и смоква, и домашніе леденцы изъ меда, и пряники.

Шуша, тутъ же сидя на корточкахъ, изъ силъ выбивается, угощая своего друга.

— Кушай, свѣтикъ мой. Кушай. Большой будешь, толстый, вотъ какой!

Дѣвочка хохочетъ при этомъ, показывая, какой толстый отъ всѣхъ этихъ снѣдей будетъ князекъ.

Но Кико не улыбается даже. Его тянетъ въ горы. Теперь такъ славно скакать по вечерней прохладѣ. Да не пустятъ, нечего и думать объ этомъ.

Шуша все смѣется во весь свой большой ротъ, поблескивая большими зубами.

— Чего губы надулъ, князекъ? Будешь губы надувать—губы вырастутъ вотъ какія.

И тутъ она прикладываетъ два свои кулачка къ собственному рту.

— Въ арбѣ съ музыкой тогда твои губы возить будемъ,—прибавляетъ Шуша.

Кико смѣшно. Вотъ такъ губы, если послушать Шушу! Кривитъ ротъ князекъ, чтобы не расхохотаться, но дѣлаетъ видъ, что совсѣмъ не смѣшно.

Шушино лицо становится вдругъ серьезнымъ.

— Скучно тебѣ, голубь мой?—спрашиваетъ она участливо.

— Скучно, Шуша,—срывается такъ искренно съ Кикиныхъ губъ.

— Не надо скучать, Кико, князекъ мой сердечный, радость сердца моего. Давай, тебѣ Шуша плясать будетъ.

И, не дожидаясь отвѣта, дѣвочка быстро вскочила на ноги, подняла тутъ же на кровлѣ позабытый ею бубенъ и встала въ позу для лезгинки, самаго распространеннаго танца на Кавказѣ.

Съ первымъ ударомъ въ бубенъ, мужчины, джигитовавшіе на дворѣ, соскочили съ коней и бросились на кровлю. Мигомъ у кого-то изъ чепаровъ очутилась зурна, у его товарища сопѣлка-дудка, отнятая тутъ же у пастуха, у третьяго—чунгури маленькаго князя, и въ одинъ мигъ составился цѣлый оркестръ, наигрывавшій любимую на Кавказѣ лезгинку.

Подъ эту музыку, равномѣрно ударяя рукою въ бубенъ, Шуша плавно поплыла по коврамъ кровли, граціозно изгибаясь своимъ тонкимъ станомъ.

Всѣ присутствовавшіе, кромѣ добровольныхъ музыкантовъ, мѣрно ударяли въ ладоши, слѣдя глазами за юной плясуньей.

Все быстрѣе и быстрѣе ускорялся танецъ, все чаще и чаще ударяла маленькая смуглая рука дѣвочки въ тактъ его въ бубенъ, все скорѣе и скорѣе переступали крошечныя ножки Шуши, обутыя въ красныя восточныя туфельки. Глаза ея горѣли; черныя косы взвивались, какъ змѣи. Разметались широкіе рукава

ея голубого кафтана и бѣлый кисейный личокъ (покрывало), покрывавшій головку,—все это закружилось въ одномъ сплошномъ быстромъ и легкомъ облакѣ вмѣстѣ съ неутомимой плясуньей.

Но вотъ оборвалась музыка, далеко отлетѣлъ бубенъ, и сама плясунья со смѣхомъ, едва переводя дыханіе, бросилась подлѣ Кико на коверъ.

— Ха-ха-ха!—заливалась дѣвочка.—Хорошо сплясала Шуша? Что скажете, джигиты? Пускай попробуетъ теперь кто-нибудь отплясать лезгинку лучше меня!

И она вызывающе обвела глазами присутствовавшихъ.

— Куда ужъ намъ,—засмѣялся Петро.—Ты извѣстная мастерица, госпожа Шуша (Шушу вся прислуга называла «госпожею» изъ уваженія къ ея бабушкѣ, которая управляла домомъ). Гдѣ ужъ намъ угоняться за тобою!

— Правду Петро говоритъ, правду,—подхватили и другіе.

— А я говорю—нѣтъ!—раздалось неожиданно за спинами присутствовавшихъ на ломаномъ грузинскомъ языкѣ.—Якши хороша пляска, да красавецъ Али пляшетъ лучше во сто разъ.

— Это еще кто такой? Откуда?

Толпа слугъ раздалась на обѣ стороны подъ толчками протискивавшагося впередъ страннаго существа, и передъ изумленными Кико и Шушей предстала маленькая уродливая фигура, съ маленькимъ горбомъ, съ кривыми ногами и длинными, болтающимися руками.

Хочешь, спляшу тебѣ лезгинку?..

Гос.
Публичная
Библиотека
в
Ленинграде

Лицо карлика-незнакомца было не лучше его фигуры: длинный крючковатый носъ, огромный, какъ у лягушонка, ротъ, маленькіе щелочки-глаза, ярко блестѣвшіе изъ-подъ черныхъ мохнатыхъ бровей, странно выдающіяся скулы.

Кико съ удивленіемъ посмотрѣлъ на незнакомаго уродца, не говоря ни слова. Смотрѣли на него во всѣ глаза и остальные присутствовавшіе.

Но уродецъ, повидимому, нимало не смущался отъ удѣлявшагося его невзрачной особѣ общаго вниманія. Онъ тряхнулъ головою и быстро подошелъ къ Кико. Тутъ онъ поднялъ руку и, приложивъ ее поочередно къ сердцу, губамъ и лбу, что означало восточное привѣтствіе, произнесъ громко:

— Селямъ алекюмъ! (Будь здоровъ)! Я—красавецъ Али. Я пришелъ позабавить тебя, князь Кико. Хочешь, я спляшу тебѣ лезгинку?

ГЛАВА VI.

Оборванецъ Али и князекъ Кико.

ВЕСЕЛЫЙ взрывъ хохота отвѣчаетъ на предложеніе незнакомца.

Чепары и прислуга, Шуша и Кико—всѣ хохочутъ. Во-первыхъ, татарченокъ-лезгинъ называетъ себя красавцемъ Али, во-вторыхъ, онъ, этотъ безобразный, неуклюжій мальчишка, предлагалъ проплясать лезгинку лучше Шуши. Это кажется смѣшно и дерзко.

— Гнать надо со двора этого хвастунишку!— говоритъ Петро-конюхъ, первый приходя въ себя отъ смѣха.—Какъ онъ попалъ сюда?

Татарченокъ-лезгинъ уставился на него своими злыми маленькими глазками и, гордо поднявъ голову, произнесъ:

— Ай да не торопись, дувана (глупецъ—по-лезгински). Нажилъ себѣ толстое брюхо, а ума не нажилъ ни капли. Или адата (обычая) не знаешь нашей страны?

Гостя нельзя гнать со двора. Аллахъ (Богъ—по-татарски) велитъ почитать гостя пуще отца и матери. Сами ангелы Аллаха гостя къ дверямъ хозяевъ подводятъ. А ты меня гнать собираешься, безсовѣстный ты человѣкъ!

— Да какой же ты гость: рваный, грязный нищій! Вонъ у тебя и бешметъ (кафтанъ) весь въ клочьяхъ, и папаху (шапку) мыши поѣли,—говорилъ, оправдываясь, немножко сконфуженный Петро.

Онъ былъ, дѣйствительно, неправъ, совѣтуя прогнать лезгина, вопреки восточному обычаю, — и, отлично сознавая это, онъ смутился.

— А ты надѣнь на меня новый бешметъ да папаху—вотъ и не буду рваннымъ нищимъ, — ловко вывернулся Али, поднимая своею находчивостью новый взрывъ смѣха среди присутствовавшихъ.

— Хорошій отвѣтъ! — вскричалъ громко сразу развеселившійся Кико, одобрительно кивнувъ головой карлику. — Только какъ ты попалъ сюда все-таки, молодецъ?

— Какъ попалъ? Черезъ ворота, понятно. Затѣмъ и открываютъ ворота, чтобы въ нихъ проходить.

— Да онъ умница! Ишь, языкъ у него острѣе лезвія кинжала,—смѣясь, вставила Шуша.— Вели ему поплясать, голубь мой.

Услышавъ эти слова, маленькій оборванецъ прищелкнулъ языкомъ, лукаво блеснулъ своими щелочками-глазами и сказалъ:

— Это ты вѣрно говоришь, дѣвушка. Ума у Али побольше, нежели блохъ въ грязной собачьей шерсти.

И, не обращая вниманія на покрывшій его слова хохотъ, онъ властно, тономъ настоящаго хозяина, приказалъ окружающимъ:

— Эй вы! Чѣмъ зря рты разѣвать до ушей да хохотать надъ Али, играйте. Али покажетъ вамъ, какъ пляшутъ лезгинку въ Дагестанскихъ горахъ.

И, въ ожиданіи первыхъ звуковъ знакомой музыки, онъ лихо подбоченился и сталъ въ позу.

Заныла зурна, зазвенѣла чунгури. Шуша подняла съ ковра свой бубенъ и стала ударять въ него въ тактъ музыкѣ.

Али волчкомъ завертѣлся по разостланному ковру.

Ахъ, что это была за лезгинка! Какіе-то дикіе прыжки, обезьяньи жесты и такія смѣшныя ухватки, что нельзя было на нихъ смотрѣть безъ хохота.

Всѣ присутствовавшіе покатывались со смѣху, глядя на диковинную пляску. Шуша выронила бубенъ и, закрывъ лицо покрываломъ, хохотала до слезъ. Кико уткнулся въ расшитую шелками шутаки (подушку), и все его гибкое тоненькое тѣльце вздрагивало и трепетало отъ судорожнаго смѣха.

Прибѣжала старая Илита и, всплеснувъ руками, такъ и залилась мелкимъ старушечьимъ хохотомъ.

Наконецъ, Али разошелся до того, что сталъ на голову и началъ выдѣлывать въ воздухѣ уморительныя движенія ногами. Потомъ ловко перекувырнулся и и подползъ на колѣняхъ къ маленькому князьку.

— Ну, что? Доволенъ ты моей пляской? Это еще что: Али плясалъ на голодный желудокъ, а вотъ ты вели накормить хорошенько, такъ онъ тебѣ всѣхъ

твоихъ слугъ на джигитовкѣ за поясъ заткнетъ. Прикажи только.

— Эй, не больно ты хвастайся, мальченокъ; не то пальцы мои попробуютъ крѣпость твоихъ ушей,— произнесъ Петро, грозя карлику.

— А ты не хвастайся, дядя,—усмѣхнулся лезгинъ,—потому что старому дубу не угнаться за лозой виноградной... Вѣтки дуба крупны и корявы, а виноградная вѣточка, видишь, какъ бьетъ хлестко, хоть бы словами, и то ладно пока.

Петро закусилъ губу, потому что всѣ остальные присутствовавшіе не могли не одобрить ловкаго отвѣта лезгина.

Кико подозвалъ Шушу и долго на ухо шепталъ ей что-то. Дѣвочка тотчасъ же поспѣшила на кухню замка и притащила оттуда дымившуюся чашку съ бараньимъ шашлыкомъ, обильно приправленнымъ саломъ, чеснокомъ и рисомъ, и цѣлую груду только что испеченныхъ къ ужину горячихъ ловашей.

Маленькій оборванецъ съ жадностью накинулся на ѣду, и въ нѣсколько минутъ отъ вкуснаго блюда не осталось ни кусочка.

Тогда Илита велѣла карлику слѣдовать за собой и провела его въ гардеробную князя. Тамъ она долго рылась въ сундукахъ, пока нашла старое платье Кико, который ростомъ былъ немного ниже взрослаго двадцатилѣтняго Али.

Когда, получасомъ позднѣе, переодѣтый въ суконный кафтанъ, новыя чевяки и шаровары, Али съ

бараньей шапкой на головѣ появился передъ Кико, тотъ захлопалъ въ ладоши отъ восторга.

— Ну, вотъ ты сытъ и одѣтъ въ хорошее платье, Али. Можешь итти, откуда пришелъ, но навѣщай насъ почаще въ замкѣ. Мы скоро уѣдемъ отсюда. А съ тобою такъ весело проходитъ время! Ты такъ умѣешь веселить и смѣшить,—ласково говорилъ своему новому другу Кико.

— А коли приглянулся я тебѣ, господинъ, оставь меня у себя. Али тебѣ вѣрнымъ слугою будетъ. Ему некуда итти. Онъ одинъ-одинешенекъ на свѣтѣ, сирота и байгушъ (нищій).

— Бѣдный Али!—произнесъ задумчиво Кико.— Это ужасно быть одному на свѣтѣ! Оставайся пока въ замкѣ. А когда пріѣдетъ отецъ мой, я упрошу его взять тебя къ намъ домой, на Алазань, въ наше помѣстье. Ты мнѣ понравился, Али, съ тобой такъ весело, право. Только я ничего не могу рѣшить безъ князя-отца.

— Благодарю тебя, князекъ. Вѣрь, Али станетъ служить и тебѣ и твоему князю-отцу.

И говоря это, Али снова приложилъ руку къ сердцу и низко склонился передъ Кико, который былъ въ восторгѣ отъ своего новаго слуги.

ГЛАВА VII.

Али продолжаетъ потѣшать обитателей горнаго замка.

АЛИ поселился въ горномъ замкѣ князя Тавадзе, и они съ Кико стали неразлучны.

До тѣхъ поръ у маленькаго князька былъ одинъ товарищъ въ играхъ, проказахъ и шалостяхъ—Шуша. Кико дружилъ съ дѣвочкой, благо дѣвочка эта могла заткнуть за поясъ первѣйшаго проказника-шалуна. Но все же это была Шуша, дѣвочка, которая, кстати сказать, шаля и проказничая съ Кико, всегда удерживала своего маленькаго друга, когда тотъ черезчуръ расходился и шалилъ не въ мѣру.

— Этого нельзя, голубь мой. Храни тебя Господь и Святой Георгій, развѣ можно такъ прыгать. Еще ножку повредишь! Не скачи такъ быстро, упадешь, упаси Боже... — часто, часто говорила она. Ну, ни дать, ни взять—бабушка Илита.

А Али совсѣмъ не останавливаетъ Кико, несмотря

на то, что онъ куда старше Шуши, на цѣлыхъ шесть лѣтъ. При немъ и то можно, и это позволительно.

Чего-чего только они не продѣлываютъ съ нимъ! Влѣзутъ на башню, наберутъ камешковъ и бросаютъ наперегонки оттуда—чей упадетъ дальше. А то и новое занятіе придумали: каждый вечеръ стрѣляютъ изъ винтовокъ въ цѣль на дворѣ замка. Призовутъ чепаровъ и давай состязаться въ стрѣльбѣ. И всегда Али остается побѣдителемъ. У него на рѣдкость острые глаза и ловкій прицѣлъ, точно у горнаго сокола или орленка. А то Али вдругъ вызываетъ на бой чепаровъ и все мужское населеніе замка.

Особенно любитъ бороться Али съ Петро. Кико всегда хохочетъ до слезъ, глядя на эту борьбу. Петро—большой и толстый—пыхтитъ, какъ старый баранъ послѣ водопоя, а Али маленькій, но ловкій и увертливый, какъ кошка. И борется онъ всегда со смѣшными прибаутками, отъ которыхъ всѣ присутствующіе буквально валятся со смѣху на траву.

Толстый Петро всегда остается побѣжденнымъ, ловкій, маленькій Али—побѣдителемъ.

— Молодецъ татарченокъ! Ай да джигитъ!—одобряютъ его зрители.

А Кико, захлебываясь отъ восторга, бѣжитъ къ Илитѣ и требуетъ, чтобы устроили пирушку въ честь побѣдителя.

Во время же угощенія Али (а съ нимъ и всего населенія замка), Кико поетъ по просьбѣ присутствующихъ.

Тутъ уже приходитъ въ восторгъ самъ Али. Та-

кого голоса, какъ у маленькаго князька, онъ не слыхалъ въ лезгинскихъ аулахъ (селеніяхъ). Али задумывается подъ пѣсни маленькаго князька; печальная тѣнь и несвойственая ему задумчивость осѣняютъ его некрасивое горбоносое лицо.

Но лишь только кончается сладкая пѣсня, смолкаетъ звонкая чунгури, Али преображается снова, дурачится, кривляется, сыплетъ шутками на потѣху слушателей.

А вечеромъ, съ закатомъ солнца, чепары сѣдлаютъ коней и по холодку сопровождаютъ Кико, Али и Шушу въ горы.

Горбатый лезгинъ и тутъ далеко превосходитъ ихъ. Такъ, какъ онъ, никто не умѣетъ скакать.

— Шайтанъ (дьяволъ по-татарски) такъ не скачетъ,—увѣряетъ всѣхъ Али, перепрыгивая со всего разбѣга широкую трещину въ горахъ, пропасть, на одной изъ самыхъ лихихъ лошадокъ замка.

Духъ захватываетъ у Кико и Шуши, при видѣ бѣшеныхъ прыжковъ или скачекъ по узенькой тропинкѣ надъ самымъ краемъ бездны.

Кико, весь блѣдный, удерживаетъ своего друга.

— Али! Безумный! Ты упадешь! Разобьешься! Не смѣй!

А Али только скалитъ свои бѣлые великолѣпные зубы, единственное, что есть прекраснаго въ его безобразномъ лицѣ.

Вечеромъ поздно возвращаются въ замокъ.

Али, поужинавъ съ чепарами и омывъ лицо и руки, идетъ на кровлю дома, сбрасываетъ съ себя

свой бешметъ и, присѣвъ на корточки поверхъ одежды, обращается лицомъ къ востоку и шепчетъ свой ясынамазъ (такъ называется вечерняя молитва у магометанъ).

Али—магометанинъ. Онъ молится Аллаху и совершаетъ не менѣе трехъ разъ въ день молитву, которой всегда предшествуетъ омовеніе лица и рукъ ключевой водой, какъ это требуется по закону магометанъ.

А Шуша, въ это время ужинающая съ бабушкой Илитой и Кико въ горницѣ замка, начинаетъ обычный разговоръ.

— Заворожилъ тебя хитрый лезгинъ, голубь мой,—говоритъ Шуша,—ты не надышишься на него, Кико. А про бѣдную подружку Шушу и вовсе позабылъ... У меня сердце не лежитъ къ этому татарченку.

— И у меня тоже,—вмѣшивается въ разговоръ старая Илита.—Ты, внучка, правду говоришь: ужъ больно востеръ да плутоватъ этотъ Али. Не нажить бы намъ съ нимъ бѣды!

— Ну, вотъ еще! Какая тамъ бѣда, бабушка! Какой же онъ плутъ, нашъ Али! Онъ—смѣлый орелъ, храбрый джигитъ,—горячо срывается съ устъ маленькаго князька.

— А по-моему, онъ хитрая дагестанская лиса,—брезгливо поджимая губы, говоритъ Шуша.

— А ты — трусливая бѣлка, пугливый заяцъ, вотъ ты кто!—вспыльчиво кричитъ Кико.

— Я трусливая бѣлка?! Я? Я заяцъ! Я?

И Шуша, вскочивъ изъ-за стола, сгоряча топаетъ ногою.

Никто еще въ жизни не смѣлъ такъ говорить съ нею. Не она ли скачетъ верхомъ на лошади, какъ любой джигитъ? Не она ли лазитъ по горамъ, надъ безднами, какъ кошка? Не она ли, не хуже любого чепара, стрѣляетъ въ цѣль?

Шуша въ первую минуту вся такъ и зашлась отъ гнѣва. Ея глаза засверкали, какъ угольки, а губы яркаго большого рта задрожали отъ волненія. И вдругъ изъ черныхъ глазъ брызнули слезы. Чтобы скрыть ихъ, дѣвочка закрыла разрѣзнымъ рукавомъ своей чохи взволнованное лицо и птицей метнулась изъ комнаты.

Сконфуженный Кико остался вдвоемъ съ Илитой. Доброе отъ природы и чуткое сердечко мальчика забило тревогу. За что онъ обидѣлъ Шушу, своего вѣрнаго, стараго, испытаннаго друга? А что, если бабушка и Шуша правы? Что, если Али только представляется вѣрнымъ и преданнымъ слугою, а на самомъ дѣлѣ...

Но тутъ въ щелочку двери просунулось горбоносое лицо съ мышиными глазками, засверкали бѣлые зубы, и немного грубый голосъ Али произнесъ умильно:

— Пойдемъ во дворъ, князекъ, Али показывать будетъ, какъ лезгины у насъ въ аулахъ ловятъ дикихъ коней.

И вмигъ были забыты Кико и плакавшая обиженная Шуша, и всѣ непріятности, и всѣ сомнѣнія, волновавшія его за минуту передъ этимъ. Личико его просіяло отъ удовольствія, и онъ стрѣлою бросился изъ горницы, увлекая за собою своего любимца.

ГЛАВА VIII.

Слова бабушки Илиты и Шуши, кажется, сбываются.

СИНЕ-ЧЕРНАЯ бархатная ночь повисла надъ горами. Серебряный мѣсяцъ выплылъ изъ-за облаковъ и залилъ своимъ млечнымъ сіяніемъ горы.

Въ его призрачномъ свѣтѣ высокіе утесы кажутся какъ бы огромными великанами, а старыя чинары, съ ихъ развѣсистыми вѣтвями, бросаютъ странныя, уродливыя тѣни на уступы скалъ. Кругомъ притаился черный лѣсъ, а внизу, вся залитая луннымъ сіяніемъ, дремлетъ роскошная Алазанская долина съ ея помѣстьями и усадьбами. Красивая, змѣйкой бѣгущая по ней рѣка Алазань кажется сверкающимъ плавленымъ серебромъ въ сіяніи мѣсяца.

И тамъ, далеко внизу, и здѣсь, въ горахъ, на уступѣ, подъ навѣсомъ грознаго утеса, все сонно и тихо.

Ворота замка плотно закрыты. На стражѣ снаружи разгуливаетъ дремлющій чепаръ.

Черная башня еще болѣе внушительно, нежели днемъ, высится надъ стѣною замка теперь, ночью...

Но что это? Изъ ея верхняго оконца, находящагося на полторы сажени выше стѣны, выглянула невысокая темная фигура. Вотъ она, быстро двигаясь, дѣлаетъ что-то у окна. Движутся длинныя костлявыя руки, шевелится круглая, какъ шаръ, бритая голова.

Это Али.

Что онъ дѣлаетъ тамъ одинъ ночью въ окнѣ башни?

Но вотъ еще нѣсколько движеній, взмахъ руки, и большой тяжелый свертокъ веревки, развернувшейся какъ змѣя, упалъ на землю по ту сторону каменной ограды замка. Веревка тихо закачалась отъ одного своего конца, прикрѣпленнаго къ окну, до другого, лежавшаго на склонѣ утеса.

Али прислушался одно мгновеніе—не разбудилъ ли легкій шорохъ знакомыхъ собакъ и не привлекъ ли онъ вниманія сторожевого чепара.

Нѣтъ. Все попрежнему тихо кругомъ.

Тогда онъ нахлобучилъ папаху по самыя брови, вскочилъ на окно, обхватилъ руками и ногами болтавшуюся въ воздухѣ веревку и сталъ быстро и безшумно скользить по ней внизъ, какъ ловкая обезьяна. Вотъ всего нѣсколько секундъ, и Али уже на землѣ по ту сторону стѣны замка. Мгновенье постоялъ онъ у стѣны, чутко прислушиваясь къ ночнымъ звукамъ.

Ничего не слышно. Ни сторожа, ни собакъ.

Тогда проворно, какъ кошка, Али бросился наверхъ по горной тропинкѣ, по направленію къ лѣсу. По мѣрѣ

приближенія его къ темной лѣсной чащѣ, все быстрѣе и быстрѣе дѣлаются его шаги. Странная фигура горбуна теперь, при свѣтѣ мѣсяца, казалась какимъ-то маленькимъ чудовищемъ. Еще болѣе странная тѣнь его бѣжала за нимъ по склонамъ утесовъ, ни на шагъ не отставая.

Но вотъ и лѣсъ. Чернымъ и мрачнымъ кажется онъ послѣ облитыхъ луннымъ сіяніемъ горъ. Мѣсяцъ слабо прокрадывается сюда сквозь густо сплетшіяся вѣтви деревьевъ, и въ лѣсу темно, какъ въ могилѣ. Али идетъ наощупь. Онъ бывалъ здѣсь, очевидно, не разъ и знаетъ дорогу. Быстро и увѣренно ступаютъ его ноги по знакомой тропинкѣ.

— Кажется, здѣсь?

Али остановился. Вытеръ потъ, градомъ струившійся у него съ лица, и свистнулъ. Постоялъ, прислушиваясь, и свистнулъ снова, протяжно и выразительно, на этотъ разъ подражая голосу какой-то птицы. И снова замеръ на мѣстѣ, прислушиваясь.

Сначала все было тихо. Только слегка шелестѣли деревья подъ легкой лаской ночного вѣтерка. Вдругъ рѣзкій и пронзительный крикъ филина раздался неподалеку отъ Али. Въ тотъ же мигъ зашелестѣли густые кусты, затрещали сучья, и три рослыя фигуры одна за другою выскочили изъ зарослей на лѣсную тропинку.

ГЛАВА IX.

Ночная бесѣда. Али оказывается сердечнѣе своихъ господъ.

— ЭТО ты, Али?

— Я, господинъ, — тихо отвѣтилъ тотъ и прибавилъ.—Что за ночь! Я ничего не вижу.

— Ступай за нами. Здѣсь неподалеку нашъ шалашъ. Тамъ и свѣтъ, и вино есть, чтобы утолить жажду. Ты усталъ, вѣроятно?

— Али на то и горный джайтанъ, чтобы никогда не уставать. А что касается до вина, то развѣ повелитель не знаетъ, что оно запрещено намъ нашимъ пророкомъ? *).

— Ты правъ, какъ всегда, Али,—раздался другой голосъ, болѣе молодой и гибкій, и чья то рука опустилась на плечо горбуна.

— Ну, идемъ скорѣе... Не здѣсь же, въ темнотѣ,

---

*) Вино строго запрещено магометанамъ самимъ пророкомъ Магометомъ.

бесѣдовать о дѣлѣ,—произнесъ съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ третій голосъ. И всѣ четверо быстро зашагали по лѣсной тропинкѣ: Али впереди, три фигуры позади него, гуськомъ, одна за другою.

Пройдя нѣсколько минутъ, они увидѣли огонекъ, привѣтливо мигавшій изъ самой чащи.

— Ну, вотъ мы и дома. Входи и разсказывай. Времени у насъ немного.

— Да, немного. Послѣзавтра возвращается князь Павле и увезетъ Кико изъ замка.

Али сказалъ это, стоя посреди шалаша, наскоро сложеннаго изъ вѣтокъ деревьевъ, сучьевъ и стволовъ молодыхъ чинаръ, перевитыхъ ползучими вѣтвями дикаго винограда. Въ шалашѣ, на грубо сколоченной скамьѣ, стоялъ небольшой фонарь, а въ углу лежала смятая сухая трава да стояли чаши для вина и корзина съ провизіей.

Гдѣ-то неподалеку слышно было, какъ бродятъ кони, питаясь травою поблизости шалаша.

Трое людей вошли слѣдомъ за Али въ шалашъ. Одинъ изъ нихъ былъ Вано Мичашвили, другой—его его сынъ Давидка; третій, черноглазый юноша, лѣтъ шестнадцати, высокій и рослый, былъ второй сынъ Вано, похожій на старшаго брата, какъ двѣ капли воды, по имени Максимъ.

Вано первый опустился на ворохъ сѣна въ углу. Сыновья послѣдовали примѣру отца. Али почтительно остановился въ дверяхъ, скрестивъ на груди руки.

— Итакъ,—произнесъ Вано хмуря свои и безъ того нависшія брови,—черезъ сутки пріѣзжаетъ Павле, а

ты еще ничего не сдѣлалъ, молокососъ. Хорошо же ты отплатилъ мнѣ за мою услугу, оказанную тебѣ и твоей сестрѣ! И за хлѣбъ мой тоже оплатилъ недурно! Одной услуги требовалось отъ тебя только, да и та, видно, тебѣ не подъ силу. Хвастаться ты только умѣешь, паренекъ. Хорошъ джигитъ! Полюбуйтесь на него, дѣти!

И Вано окинулъ презрительнымъ взглядомъ жалкую фигуру горбуна.

Юноша весь вспыхнулъ и затрепеталъ подъ этимъ взглядомъ. Вся кровь бросилась въ лицо Али.

— Нѣтъ, мой господинъ!—вскрикнулъ онъ горячо.— Нѣтъ, Али умѣетъ быть благодарнымъ тому, кто спасъ его отъ смерти. Не забылъ Али той минуты, какъ ты десять лѣтъ тому назадъ вырвалъ меня полумертваго изъ лапъ свирѣпаго медвѣдя. Помню я, какъ, идя за хворостомъ въ зимнее время, еще будучи ребенкомъ, набрелъ я нечаянно на берлогу медвѣдицы и какъ та изломала бѣднаго Али въ своихъ лапахъ и сдѣлала навѣки калѣкою несчастнаго Али. Помню, какъ ты подоспѣлъ тогда со своей винтовкой и всадилъ весь зарядъ въ ухо разсвирѣпѣвшему звѣрю... Не забылъ я, нѣтъ, какъ спасъ жизнь Али, и о томъ не забылъ, какъ ты, послѣ того какъ умерли родители Али отъ оспы, пріютилъ его самого и его годовалую сестренку Магуль у себя въ домѣ... Помнитъ Али, что тогда же поклялся великою клятвою служить тебѣ вѣрой и правдой, господинъ, и отплатить тебѣ жизнью за такую услугу...

— Ну, жизни отъ тебя не потребуется. На что

мнѣ твоя жизнь?— усмѣхнулся Вано недоброй усмѣшкой.—А вотъ ты долженъ отдать Кико въ наши руки. Не даромъ же я послалъ тебя въ горный замокъ Тавадзе. Слышишь меня, Али?

— Слышишь, что говоритъ отецъ?—сурово переспросилъ Давидка.

— Если ты не измѣнникъ, то долженъ сдержать обѣщаніе, данное твоему благодѣтелю,—подтвердилъ и Максимъ, сверкнувъ своими черными глазами.

— Нѣтъ, Али не измѣнникъ!—горячо вырвалось изъ устъ горбуна.—Али сумѣетъ сдержать клятву и сдержитъ ее. Да! Али доставитъ сюда Кико, какъ это ни трудно, если... если вы, въ свою очередь, дадите клятву, что не причините маленькому князю никакого вреда.

— Какъ ты смѣешь ставить намъ еще условія, уродъ ты этакій!—въ одинъ голосъ закричали Давидка и Максимъ, вскакивая на ноги и хватаясь руками за рукоятки кинжаловъ, заткнутыхъ у нихъ за поясомъ.

— Тише, дѣти! Не горячитесь!—остановилъ ихъ отецъ и тотчасъ же твердымъ голосомъ обратился къ Али:

— Успокойся. Жизни Кико не грозитъ опасность. Намъ нужна не жизнь этого мальчишки, а тѣ огромныя богатства, которыя онъ унаслѣдуетъ отъ своего отца послѣ его смерти. Судьба несправедлива къ нашему дому. Одинъ Кико получитъ всѣ эти алазанскіе виноградники и поля, помѣстья, горный замокъ, превосходныя стада овецъ и табуны коней, въ то время какъ мои молодцы-сыновья должны будутъ довольствоваться такими же подачками отъ него, какія изъ милости да-

ритъ мнѣ его отецъ... Согласись, что это несправедливо, горбунъ,—заключилъ свою длинную рѣчь Вано вопросомъ, обращеннымъ къ Али.

Но тотъ молчалъ, угрюмо уставивъ въ землю свои крошечные мышиные глазки. И только по прошествіи нѣсколькихъ минутъ отвѣтилъ:

— А что ожидаетъ Кико въ твоемъ домѣ?

Вано насупился еще больше.

— Какъ ты смѣешь спрашивать у меня это, мальчишка!?—прикрикнулъ онъ сердито на Али, но тутъ же, словно спохватившись, добавилъ уже болѣе мягкимъ тономъ.

— Не забывай, что Кико мой родственникъ, двоюродный племянникъ, и онъ не можетъ быть чужимъ сердцу моему... Князь Кико всю жизнь свою проведетъ, какъ желанный гость, въ моемъ домѣ... Только для отца и для другихъ онъ перестанетъ существовать, чтобы всѣ его богатства могли безпрепятственно перейти къ его троюроднымъ братьямъ... Но никто не причинитъ ему вреда для его жизни, въ этомъ клянусь святымъ Георгіемъ и святой Ниной!

Тутъ Вано поднялъ руку надъ головой и еще разъ торжественно произнесъ: «клянусь».

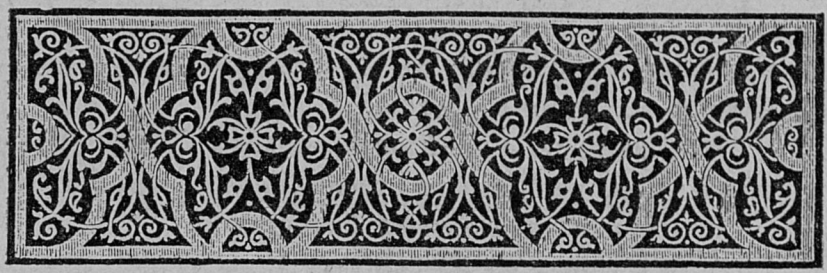
Лицо Али прояснилось. Его маленькіе глазки блеснули.

— А, если такъ, то Али готовъ служить тебѣ, Вано Мичашвили. Завтра же Кико будетъ въ твоихъ рукахъ.

И тутъ же онъ быстро изложилъ передъ Вано, какимъ образомъ онъ думаетъ заманить Кико. А черезъ

часъ времени по знакомой дорогѣ Али уже карабкался по своей веревкѣ обратно на стѣну замка. Потомъ отвязалъ веревку и спряталъ ее.

Утренніе лучи восхода нашли его крѣпко спавшимъ на обычномъ его мѣстѣ въ помѣщеніи чепаровъ.



ГЛАВА X.

Вѣрная собачка и хищная чекалка.—Барантачи.

ЗАВТРА пріѣзжаетъ батюшка. Бабушка Илита, вели заколоть жирнаго барашка, пусть попируютъ чепары и прислуга ради его пріѣзда. Да открой новые бурдюки *) съ виномъ. А вы, женщины, надѣньте праздничные наряды. Шуша спляшетъ въ честь дорогого пріѣзжаго лезгинку, я спою ему мои лучшія пѣсенки подъ звонъ чунгури.

Звучный голосокъ Кико далеко разносится по дому, двору и саду замка. Онъ очень возбужденъ сегодня. Сердечко его шумно ликуетъ. Еще бы! Завтра пріѣдетъ князь Павле, его дорогой отецъ, котораго мальчикъ не видѣлъ цѣлыхъ двѣ недѣли.

За пазухой у маленькаго князька лежитъ объеми-

*) Кожаные мѣшки изъ шкуръ домашнихъ животныхъ; въ этихъ мѣшкахъ кавказскіе горцы сохраняютъ вино.

стое письмо, присланное въ Алазанскую долину и доставленное въ замокъ слугою.

— Тра-ля-ля-ля!—напѣваетъ весело Кико.—Слышишь, Шуша, ты плясать будешь, я пѣть. А еще что бы сдѣлать ради удовольствія батюшки?

Кико задумывается на минуту. Неожиданно просовывается изъ-за плеча его знакомое горбоносое лицо, маленькіе глазки и сверкающіе, какъ кипень, зубы.

— Али придумалъ кое-что. У Али мысль быстрая, какъ у зайца, а мозгъ смѣтливый, какъ у лисы. Что дашь, ага-князекъ, за добрую мысль твоему вѣрному Али?

Кико весело расхохотался.

— А ты скажи сперва, что ты придумалъ, Али?

— А вотъ что придумалъ на радость своему солнышку-господину Али: надо настоящій праздникъ устроить въ замкѣ. Надо, чтобы сердце повелителя радовалось, а очи ликовали. Вели, ага-князекъ, сѣдлать коней, вели снаряжаться чепарамъ: поскачемъ въ лѣсъ за цвѣтами пестрыми, за дикимъ плющемъ, за виноградными вѣтвями, шиповникомъ, цвѣтами азалій, гранатника. Совьемъ гирлянды изъ цвѣтовъ и листьевъ, обовьемъ ими и ворота замка, и домовъ, и галлерею. А въ плошки нальемъ бараньяго жира, разставимъ по всему двору и завтра, какъ стемнѣетъ, зажжемъ ихъ. Видѣлъ я, какъ въ Тифлисѣ у намѣстника праздникъ былъ, и также плошки горѣлки. Ахъ, какъ хорошо, ярко, словно звѣзды на небѣ! Вотъ и мы такъ сдѣлаемъ.

— Сдѣлаемъ, сдѣлаемъ!—весело закричалъ Кико.

Закричалъ, захлопалъ въ ладоши и вдругъ остановился со смущеннымъ вытянутымъ личикомъ.

— А только не пуститъ меня бабушка по солнопеку. Голова у меня утромъ болѣла. Боится она за меня.

— А мы и не поскачемъ при солнопекѣ. Зачѣмъ при солнцѣ, когда вечеръ есть. Послѣ ужина поскачемъ. Вели чепарамъ сѣдлать послѣ ужина коней.

— И Шушу возьмемъ?

— Зачѣмъ Шушу? Безъ Шуши лучше. Не любитъ дѣвченокъ Али, съ ними канитель одна: чоху надѣнетъ—рукавъ выпорется, косу расчешетъ—ленту забудетъ, рубаху надѣнетъ—шапку потеряетъ. Вотъ онѣ какія, дѣвченки!

— Ну, это ты врешь!—неожиданно раздалось за плечами Али.— Кико знаетъ, что Шуша не уступитъ въ ловкости любому джигиту.

И сама Шуша, сердито поблескивая глазками, точно изъ-подъ земли выросла передъ ними.

— Ай-ай! Зачѣмъ подслушивала! Больно нехорошо подслушивать—закачалъ головою и защелкалъ языкомъ Али.

— Молчи, татаренокъ гадкій!—притопнула на него ногой Шуша!—Нечего тебѣ меня хулить передъ князькомъ моимъ. А тебѣ, голубь мой, стыдно мѣнять своего добраго товарища Шушу на перваго встрѣчнаго лезгина-нищаго.

И дѣвочка съ укоромъ взглянула въ синіе глаза Кико.

Тотъ смутился немного. Шуша была права. Съ тѣхъ поръ, какъ поселился въ замкѣ Али, онъ и вниманія не обращаетъ на свою недавнюю подругу проказъ и игръ. Но гордому по натурѣ Кико не понравилось

замѣчаніе Шуши въ присутствіи Али, и онъ, надменно закинувъ головку, крикнулъ сердито дѣвочкѣ:

— Не твое дѣло учить меня и проповѣди мнѣ читать, ты не мамао (священникъ)! Убирайся со своими нотаціями и оставь насъ въ покоѣ.

— И оставлю!—повысила въ свою очередь голосъ обиженная Шуша.—А только пожалѣешь, чего добраго, Кико, что вѣрную собачку промѣнялъ на хищную чекалку.

И, сверкнувъ черными глазками, дѣвочка съ гордо поднятой голов й вошла въ домъ, оставивъ въ саду обоихъ пріятеле

* *
*

Какой дивный ı ер!

Солнце только что утонуло въ горахъ, пурпуровое, какъ огромный яркій цвѣтокъ гранатника; цвѣты сильнѣе запахли въ ущельяхъ; легкій прохладный вѣтерокъ подулъ сверху. Изнуренныя дневнымъ зноемъ горы облегченно вздохнули.

По узкой горной тропинкѣ ѣхали два чепара съ винтовками за плечами, въ высокихъ барашковыхъ папахахъ, а между ними маленькій князекъ. Далеко опередивъ своихъ путниковъ, скакалъ на горномъ скакунѣ Али. У него тоже болталась за плечами винтовка, а баранья шапка была лихо заломлена на затылокъ, обнажая до половины бритую, круглую, какъ шаръ, голову.

По мѣрѣ приближенія къ лѣсу, все ощутительнѣе становилась вечерняя прохлада и пріятнѣе освѣжалъ

горный вѣтерокъ разгоряченныя отъ скачки лица всадниковъ. Вотъ, наконецъ, и лѣсъ, разбросанный группами деревьевъ по склонамъ горъ. Сколько пестрыхъ яркихъ цвѣтовъ въ его сочной травѣ!

Чепары спѣшились. Соскочилъ съ коня и Кико. Али давно уже углубился въ чащу, говоря, что знаетъ мѣсто, гдѣ растутъ лучшіе цвѣты. Чепары и Кико собираютъ ихъ въ одномъ мѣстѣ, Али—далеко отъ нихъ, въ самой чащѣ. Стреноженныхъ коней пустили безъ призора щипать сочную росистую траву.

Кико весь погрузился въ собираніе цвѣтовъ. Въ то время, какъ его спутники срѣзали своими кинжалами длинныя ползучія вѣтви дикаго виноградника и колючіе сучья шиповника, сплошь усыпанные нѣжными бѣлыми и алыми цвѣтами, онъ срываетъ прелестныя звѣздочки азалій, лѣсной гвоздики или пурпуровые цвѣты гранатника съ длинныхъ вѣтвей, тянущихся къ нему, какъ руки.

Кико забылъ свою размолвку съ Шушей, забылъ и черные печальные глазки дѣвочки, которые провожали его до воротъ замка.

— Что-жъ такое? Кто виноватъ, что она капризничаетъ и не хочетъ дружить съ Али, сумѣвшимъ за короткое время стать такимъ нужнымъ и близкимъ,— разсуждаетъ Кико, то и дѣло нагибаясь къ травѣ и срывая то цвѣтокъ гвоздики, то дикой ромашки, или протягивая руку къ вѣтвямъ гранатника и дикой лозы.— Однако, гдѣ же это Али? Куда онъ скрылся? Не заблудился ли онъ въ чащѣ, бѣдняга?—внезапно пришло въ голову Кико, и онъ громко крикнулъ:

— Али! Гдѣ ты, товарищъ? Отзовись!

Вначалѣ ничего не было слышно. Кругомъ ни души, и тихо, и смирно было на лѣсной полянкѣ.

Прошла минута томительнаго ожиданія. Вдругъ неожиданно гулкій выстрѣлъ прокатился по лѣсу, и вслѣдъ за этимъ прозвучалъ отчаянный голосъ Али, полный ужаса и тревоги:

— Спасите меня! Спасите, во имя Аллаха!.. Сюда!.. На помощь! Ко мнѣ!

— Боже Великій! Святой Георгій! Пречистая Нина! Али грозитъ опасность! Спасите его, чепары! Николай! Деметро! Къ нему скорѣе, спѣшите къ нему!

И, говоря это, блѣдный, трепещущій Кико бросался то къ одному, то къ другому изъ своихъ охранниковъ и молилъ дрожавшимъ голосомъ немедля скакать въ чащу и выручить Али изъ бѣды.

Но тѣ и такъ спѣшили, насколько это было можно. Видя страшное волненіе маленькаго князька, Николай и Деметро, не разсуждая долго, разстреножили коней, вскочили на нихъ и галопомъ, отчаянно хлеща лошадей нагайками, кинулись въ чащу, откуда все еще призывалъ ихъ отчаянный голосъ Али.

Кико остался одинъ. Взволнованный и дрожащій, онъ прислушивался нѣсколько минутъ къ тому, что происходило тамъ дальше, за плотной стѣной деревьевъ и кустовъ.

Крики внезапно прекратились. На смѣну имъ послышалось глухое топанье нѣсколькихъ паръ копытъ.

«Слава святому Георгію. Они возвращаются! Зна-

читъ, они выручили изъ бѣды несчастнаго Али»,— промелькнуло быстрой мыслью въ головѣ Кико.

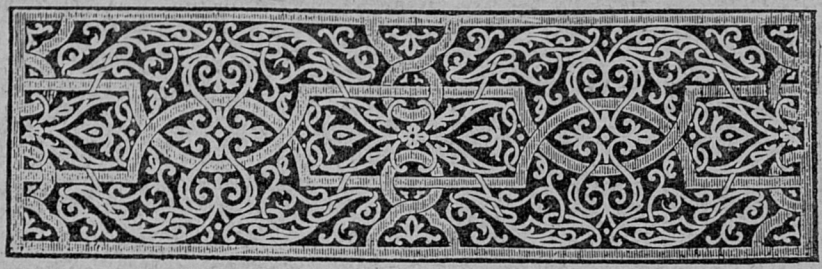
Но одно обстоятельство показалось Кико страннымъ: всадники возвращались къ нему со стороны совершенно противоположной той, гдѣ кричалъ Али.

«Вѣроятно, они крюкъ сдѣлали»,—рѣшилъ Кико и, ничего не подозрѣвая, бодро ринулся навстрѣчу конямъ.

— Что Али? Живъ онъ? Здоровъ? Кто обидѣлъ его?—спросилъ онъ громко и... замеръ на мѣстѣ съ широко раскрытыми, остановившимися отъ испуга глазами.

И не безъ причины.

Три незнакомые всадника, съ низко нахлобученными по самыя брови папахами, съ плотно обвязанными до глазъ сѣрыми башлыками, выскочили изъ-за кустовъ и окружили его. И не успѣлъ Кико крикнуть, не успѣлъ испуганный мальчикъ метнуться въ сторону, какъ передній всадникъ соскочилъ съ коня и схватилъ его сильными руками. А другой—накрылъ Кико съ головою темной, непроницаемой тканью и, завязавъ ему ротъ тряпкою, чтобы онъ не могъ кричать, вскочилъ, не выпуская его изъ рукъ, въ сѣдло. И всѣ три всадника ускакали.



ГЛАВА XI.

Кико плохо сознаетъ дѣйствительность. — Новая обстановка.

По неровному колебанію лошадиной спины Кико, закутанный съ головы до ногъ въ черное войлочное покрывало, понялъ, что они скачутъ съ невѣроятной быстротой. Сухая, непріятная тряпка царапала ему ротъ, затрудняя дыханіе, а темнота, царившая подъ ужасной темной покрышкой, была совсѣмъ непроницаемой для глазъ. Мысль въ головѣ Кико работала вяло отъ охватившаго его ужаснаго волненія. Онъ сознавалъ одно: очевидно, часть горныхъ барантачей (разбойниковъ) спустилась со своихъ лезгинскихъ высотъ въ ихъ ущелье и напала на него, въ надеждѣ получить отъ отца Кико богатый выкупъ. Такіе случаи кражи дѣтей, а иной разъ и взрослыхъ, нерѣдко случаются на Кавказѣ, и Кико слышалъ о нихъ не разъ и отъ отца, и отъ бабушки, и отъ Шуши. Мальчикъ зналъ также и то, что горные баран-

тачи надѣются всегда получить «хорошій выкупъ» за своихъ плѣнниковъ.

Смѣлый отъ природы Кико страшно былъ испуганъ всѣмъ происшедшимъ съ нимъ. Онъ не зналъ намѣреній своихъ похитителей, не могъ разсчитать, какъ скоро онъ получитъ свободу. Пока будутъ длиться переговоры, пока барантачи дадутъ знать о немъ окольными путями его отцу, пока получатъ выкупъ, Богъ вѣсть, сколько пройдетъ еще времени. Да и бѣдный отецъ измучится за свое сокровище Кико, за своего бичо-джана, пока добьется его возвращенія. И не только отецъ, но и бабушка Илита, и Шуша, и Али... Да, и Али... Но что же съ нимъ, однако? Отчего онъ кричалъ въ чащѣ? Почему звалъ на помощь? Вѣроятно, и его забрали въ плѣнъ барантачи заодно съ его маленькимъ господиномъ! И онъ ли это стрѣлялъ, защищаясь.

Мысль быстрѣе заработала въ головѣ Кико. Вспомнилась ясно послѣдняя картина, предшествовавшая похищенію, выстрѣлъ, крикъ Али, его призывы на помощь... Почему-то мелькнула въ памяти недавная фраза Шуши: «Не мѣняй, голубь мой, вѣрную собачку на хищную горную чекалку»... И смутная, острая, какъ кинжалъ, догадка впервые прорѣзала мозгъ Кико: Али—предатель и измѣнникъ и подстроилъ всю исторію эту умышленно, чтобы передать его, Кико, горнымъ барантачамъ...

Эта мысль потрясала все существо бѣднаго мальчика, а пережитыя только что волненія замутили его мысли, закружили голову. Сердце застучало слабѣе.

Отвратительная тряпка душила его. Въ виски заколотились настойчиво какіе-то молоточки, дыханье сперлось въ груди, и маленькій князекъ потерялъ сознаніе.

* *
*

Странную картину увидѣлъ Кико, когда пришелъ въ себя и обвелъ глазами окружавшую его обстановку.

Грязная, низкая комната, въ углу которой маленькая тахта, покрытая ковромъ. Кромѣ этой тахты, небольшого стола у стѣны, на которомъ горѣлъ огарокъ свѣчи въ подсвѣчникѣ, и низенькихъ табуретовъ, покрытыхъ шкурами горнаго тура,—никакой другой обстановки не было въ комнатѣ. Полъ ея былъ устланъ войлокомъ, и рваная потертая шкура чекалки валялась въ углу. Все здѣсь было до крайности бѣдно и невзрачно. Такихъ горницъ не было у нихъ ни въ замкѣ, ни въ алазанскомъ помѣстьѣ. Даже слуги князя Тавадзе жили куда роскошнѣе.

Кико хотѣлъ протереть себѣ глаза. Ему все казалось, что онъ спитъ и грезитъ. Но рука у него оказалась такою тяжелою, точно налитою свинцомъ, что онъ едва-едва могъ слабо пошевелить пальцами. Теперь все ясно представилось въ его памяти: и барантачи, и выстрѣлъ, и крики Али, и похищеніе. Въ горячей, какъ огонь, головѣ предстали всѣ недавно пережитые имъ ужасы, и Кико, уткнувшись лицомъ въ подушку, горько заплакалъ.

Это были едва ли не первыя слезы въ жизни маленькаго князька.

Однако, Кико плакалъ недолго. Несмотря на страшную боль въ головѣ и непріятное нытье во всѣхъ членахъ, мальчикъ вспомнилъ обычную фразу, которую онъ слышалъ отъ отца:

— «Плохъ тотъ джигитъ, который поддается малодушію и плачетъ, какъ баба».

И въ одинъ мигъ маленькій князекъ собралъ всѣ свои силенки и поборолъ досадную слабость. Если бы не эта несносная слабость, которая приковала его къ жесткой тахтѣ, Кико непремѣнно вскочилъ бы на ноги и пошелъ взглянуть, что находится за плотно запертою дверью его комнаты. Но—увы!—ноги, какъ и руки, не слушались его, и онъ поневолѣ долженъ былъ оставаться безъ движенія на своемъ скучномъ ложѣ.

Вскорѣ напряженный слухъ Кико уловилъ чьи-то крадущіеся шаги за дверью, шелестъ платья и тихіе, чуть слышные голоса. Онъ сдѣлалъ усиліе надъ собою, перевернулся на спину и, не крѣпко прикрывъ глаза, сталъ тихонько изъ-подъ опущенныхъ вѣкъ слѣдить за всѣмъ дальнѣйшимъ.

ГЛАВА XII.

Кико узнаетъ, гдѣ онъ.

ВЪ горницу вошли двое. Въ шедшемъ впереди мужчинѣ, съ косматой буркой на плечахъ, Кико сразу узналъ Вано Мичашвили за которымъ слѣдовала еще не старая женщина, блѣдная и печальная.

Кико чуть не вскрикнулъ, увидѣвъ Вано, и тутъ впервые припомнились ему тѣ слова, которыя онъ слышалъ въ своемъ алазанскомъ помѣстьѣ, подъ навѣсомъ виноградной бесѣдки. Четко выступила въ головѣ его произнесенная Вано фраза: «если намъ удастся наше дѣло, ты и твои братья станутъ наслѣдниками всѣхъ богатствъ князя Павле Тавадзе».

И все разомъ стало ясно въ сознаніи мальчика. Такъ вотъ кто его похитилъ! Вано и его сыновья!

Горечь, обида, гнѣвъ и негодованье—все это сразу наполнило душу Кико. Сердце его заныло. Какъ, эти люди, ихъ родственники, съ головы до ногъ облагодѣтельствованные княземъ Павле, могли такъ посту-

Вано выхватилъ изъ-за пояса кинжалъ...

Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде

пить съ нимъ?! О, злые, жестокіе, нехорошіе люди!

Не помня себя, забывъ свою ужасную боль въ головѣ, напрягая послѣднія силенки, Кико съ трудомъ приподнялся на локтѣ, слабый и хрупкій, вслѣдствіе болѣзни, и хриплымъ отъ лихорадки голосомъ произнесъ:

— Дядя Вано Мичашвили! Ты поступилъ съ моимъ отцомъ и со мною подло и гнусно, какъ послѣдній душманъ (разбойникъ)!— и снова, обезсиленный, упалъ головой на валикъ тахты.

Блѣдная женщина (въ которой Кико угадалъ свою двоюродную тетку, извѣстную ему по разсказамъ отца) и самъ Вано живо обернулись къ мальчику. По лицу Вано пробѣжали судороги гнѣва. Бѣшенствомъ загорѣлись черные мрачные глаза изъ-подъ нависшихъ бровей.

— Какъ ты смѣешь такъ разговаривать со мною, мальчишка? — внѣ себя крикнулъ Вано и топнулъ ногою.

Но Кико уже не помнилъ себя. Вся природная гордость князей Тавадзе заволновалась въ возмущенной душѣ мальчика. Черные глазенки, пылавшіе, какъ уголья, впились въ перекосившееся лицо Вано.

— Да! Да!—подхватилъ онъ, захлебываясь, снова дѣлая неимовѣрныя усилія надъ собою и подымаясь на тахтѣ.—Да, да, дядя Вано, я стыжусь твоего поступка, я—маленькій Кико, сынъ князя Павле Тавадзе!.. Ты безсовѣстно отнялъ меня у моего отца, чтобы воспользоваться впослѣдствіи всѣми нашими богатствами для твоихъ сыновей... Ты сдѣлалъ большое горе тво-

ему благодѣтелю и родственнику, моему отцу, ты поступилъ, какъ послѣдній барантачъ или горный душманъ, и я, князь Кико Тавадзе, не боюсь сказать тебѣ это!

Едва только мальчикъ успѣлъ выкрикнуть послѣднюю фразу, какъ Вано съ дикимъ, бѣшенымъ крикомъ угрозы выхватилъ изъ-за пояса кинжалъ и въ два прыжка очутился передъ тахтой.

— Молчи, или я...—и онъ занесъ надъ головой Кико оружіе.

Легкій крикъ вырвался изъ груди стоявшей рядомъ съ нимъ женщины. Она сдѣлала движеніе и очутилась между ними.

— Во имя Бога и святой Нины, остановись, Вано, чтобы не раскаиваться потомъ!—голосомъ, полнымъ отчаянія, вырвалось изъ ея груди, и она склонилась надъ Кико, заслоняя его своимъ худенькимъ, слабымъ тѣломъ.

Съ глухимъ ропотомъ, тяжело дыша, Вано отступилъ отъ тахты, утеръ потъ, градомъ струившійся по его лицу, и опустился на табуретъ въ углу сакли.

Кико, совершенно обезсиленный, упалъ на тахту, а надъ нимъ, какъ добрый ангелъ-хранитель, склонилась старая женщина, нѣжно перебирая своими тонкими пальцами черные кудри Кико и тихо-тихо нашептывая ему на ушко:

— Успокойся, мой милый! Успокойся, мальчикъ мой! Никто не причинитъ тебѣ зла, только будь покорнымъ и тихимъ и не противорѣчь...

Кико, повидимому, и не волновался больше. Блѣд-

ный и недвижимый, лежалъ онъ посреди своихъ подушекъ, и только черные, горящіе глазенки попрежнему съ безстрашнымъ вызовомъ были устремлены въ суровое лицо Вано.

Тотъ точно почуялъ на себѣ этотъ взглядъ. Тяжело поднялся съ табурета и съ мрачнымъ, все еще злобнымъ видомъ подошелъ къ Кико.

— Послушай,—произнесъ онъ тихимъ, но внушительнымъ голосомъ, обращаясь къ своему юному родственнику,—послушай, мальчишка, запомни хорошенько то, что я сейчасъ тебѣ буду говорить... Изволь покориться мнѣ, или я ни за что не ручаюсь, запомни разъ навсегда: князя Кико Тавадзе нѣтъ больше на свѣтѣ... онъ умеръ, его украли горные барантачи, или онъ нечаянно скатился въ бездну, или его убила шальная пуля дидойца... Все равно, это не важно... Важно только то, что его нѣтъ больше на свѣтѣ, и ты теперь не князь Кико больше, а бѣдный нищій пѣвецъ, круглый сирота, котораго я изъ милости держу въ домѣ. Слышишь? И горе тебѣ, если ты попробуешь бѣжать отсюда или открыть кому бы то ни было свое настоящее имя. Понялъ меня?

И глаза Вано блеснули выраженіемъ угрозы, а рука снова сжала рукоять кинжала, заткнутаго за поясъ.

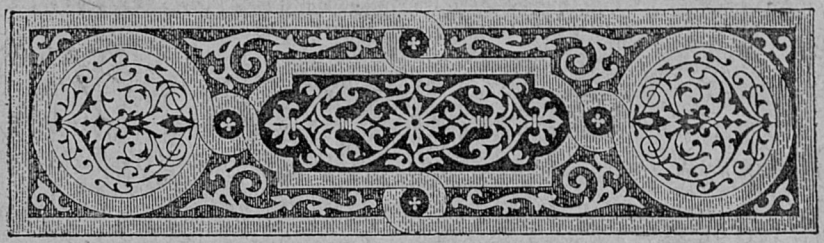
Кико понялъ, что отъ него требуютъ, чтобы онъ отнынѣ пересталъ называть и считать себя княземъ Тавадзе. Онъ гордо поднялся съ подушки и смѣло взглянулъ въ лицо Вано. Черные глазки мальчика сверкнули

— Я, князь Ки...—началъ было съ достоинствомъ, но смолкъ, не докончивъ своей фразы. Тонкіе нѣжные пальцы старой Като (такъ звали женщину) легли на его губы, а тихій голосъ ея зашепталъ снова ему на ушко:

— Молчи, во имя Бога, молчи, Кико! Иначе плохо будетъ! Молчи и надѣйся на Бога, а я тебя не дамъ въ обиду, сердце мое...

Это было сказано такъ тихо, что Кико едва могъ разслышать послѣднія слова. Но тѣмъ не менѣе онъ ихъ услышалъ. На мигъ суровые глазки мальчика прояснились, и онъ беззвучно поцѣловалъ лежавшую на его губахъ руку Като.

Странные, тяжелые дни потянулись для Кико. Цѣлыми часами лежалъ онъ теперь со страшной слабостью, неподвижный на своей жесткой тахтѣ, укрытый буркой. Часто его била нервная лихорадка, и тогда голова его горѣла, а мысли, одна другой отчаяннѣе, копошились подъ изсиня-черными кудрями. Теперь Кико уже не сомнѣвался: Али, котораго онъ полюбилъ какъ друга, оказался дурнымъ, безчестнымъ юношей и предалъ его самымъ безсовѣстнымъ образомъ его безсовѣстному дядѣ Вано. Эта мысль сверлила и мучила бѣднаго мальчика. Но еще больше мучила другая: что сталось съ его дорогимъ отцомъ, когда онъ вернулся въ горный замокъ и не нашелъ тамъ своего Кико, своего единственнаго любимчика, своего бичо-джана? Можетъ быть, бѣдный отецъ умеръ съ горя, не перенеся ужаснаго извѣстія о пропажѣ Кико?...



ГЛАВА XIII.

Болѣзнь. Выздоровленіе. Магуль.

ЧАСТО метался Кико, какъ раненый звѣрекъ, по своей тахтѣ или вскакивалъ съ нея въ пылу неудержимаго приступа волненія и бросался, пошатываясь отъ слабости, къ выходу изъ горницы, завѣшенному ковромъ. Но—увы!—за ковромъ находилась плотная дубовая дверь, закрытая накрѣпко снаружи, и не слабымъ силенкамъ больного девятилѣтняго мальчика было сломать эту преграду. Тогда, въ концѣ обезсиленный, онъ возвращался на свое жесткое ложе и погружался въ забытье.

Два раза въ день къ нему приходила жена Вано, Като, и, поставивъ на столъ принесенную съ собою пищу въ видѣ куска жареной баранины или жидкой похлебки съ чеснокомъ, да жесткихъ чурековъ (лепешекъ изъ хлѣба) и бутыли съ бузою (кумысомъ), садилась на край тахты, поглаживала головку мальчика своими нѣжными руками, говорила ему о необходимо-

сти смириться и покориться безропотно своей участи и обѣщала не давать его въ обиду. Затѣмъ она такъ же быстро исчезала, какъ и появлялась.

Однажды она не пришла утромъ, и Кико сильно обезпокоился. Като внушала ему довѣріе. Она казалась такой печальной, доброй и кроткой и, по своей нѣжности, мягкости и хрупкости, напоминала Кико его умершую мать. И та была такая же худенькая, какъ Като, и такая же блѣдная, какъ она... Почему однако не идетъ Като? Неужели же заболѣла?

Въ этотъ день, какъ нарочно, Кико чувствовалъ себя лучше, бодрѣе. Цѣлебная буза и какія-то снадобья изъ травъ, которыми Като поила мальчика, возымѣли свое дѣйствіе, и мальчикъ точно поздоровѣлъ.

Онъ чутко прислушивался, въ ожиданіи шаговъ за дверью. Онъ уже успѣлъ изучить мелкую быструю походку Като и шуршаніе ея верхней канаусовой рубахи. Но ея не было слышно.

Отъ скуки и ожиданія Кико въ сотый разъ сталъ соображать, сколько дней онъ находится взаперти въ этой ужасной горницѣ. Но сообразить это было не очень легко. Каждый день походилъ на другой, какъ двѣ капли воды, и всѣ они какъ-то сливались. Въ досадѣ на свое безсиліе, Кико закусилъ губы и приготовился уже закрыться буркой съ головой и задремать отъ тоски, какъ неожиданно чьи-то торопливые шаги зазвучали за дверью. Вотъ щелкнулъ затворъ, и дверь широко распахнулась.

— Тетя!—произнесъ Кико, обрадованный и, при-

вскочивъ на тахтѣ, протянулъ впередъ руки.—Тетя Като! Наконецъ-то!

Но это было не Катерина Тавадзе. Тоненькая высокая дѣвочка, лѣтъ десяти-одиннадцати стояла на порогѣ горницы. Черные волосы дѣвочки заплетенные въ нѣсколько косъ, перевитыхъ цѣпью изъ монетъ и позументами, змѣями сбѣгали вдоль ея миніатюрной фигурки, облаченной въ цвѣтную рубаху, надѣтую поверхъ цвѣтныхъ шароваръ, доходящихъ до пятокъ. Красные чевяки съ загнутыми вверхъ носками дополняли ея костюмъ. На груди—масса ожерелій изъ побрякушекъ и монетъ. Въ рукахъ она держала чашку съ похлебкой, кусокъ баранины на тарелкѣ, подъ мышкой—бутыль съ бузою и связку чурековъ.

— Храни тебя, Аллахъ! Здравствуй,—на ломаномъ грузинскомъ языкѣ произнесла дѣвочка, нѣсколько разъ кивая Кико черненькой головкой, при чемъ ея косы запрыгали у нея по плечамъ, а безчисленныя ожерелья изъ монетъ зазвенѣли на груди. Блестя черными глазенками, она еще ближе подошла къ тахтѣ и проговорила:

— Здравствуй, соколъ пригожій... Здравствуй, дорогой... Я—Магуль, лезгинка, сирота, воспитанница Вано Мичашвили, моего аги и властелина. Я принесла тебѣ покушать.

Глаза Кико широко раскрылись. Не обращая вниманія на съѣдобное, принесенное дѣвочкой, онъ вскочилъ съ тахты и, схвативъ ее за руки, произнесъ:

— Ты Магуль—сестра Али? Да?

— Да. Я сестра Али,—отвѣтила дѣвочка.

— Скажи, скажи мнѣ, Магуль,—захлебываясь отъ волненія, прошепталъ Кико,—скажи мнѣ, добрая, славная Магуль,—Али вѣдь такъ часто въ разсказахъ о тебѣ называлъ тебя доброй и славной,—скажи мнѣ, за что такъ гнусно со мной поступилъ Али? И гдѣ онъ сейчасъ, этотъ обманщикъ, лгунъ и предатель?

Пальцы Кико цѣпко ухватились за руки Магуль, глаза его съ нетерпѣніемъ и тревогой ждали ея отвѣта.

Дѣвочка вспыхнула, потомъ поблѣднѣла. Острые зубки Магуль закусили нижнюю губу. Казалось, она сама боялась того, что не удержится и скажетъ то, чего ей не слѣдуетъ говорить.

— Вѣдь твой братъ Али—злодѣй! Это онъ устроилъ мое похищеніе?—допытывался Кико, не выпуская рукъ дѣвочки изъ своихъ судорожно стиснутыхъ пальцевъ.

Вмѣсто отвѣта Магуль въ два скачка отпрыгнула отъ тахты, осторожно разставила на столѣ принесенную посуду, положила тутъ же чуреки и тогда только снова очутилась подлѣ тахты, на которой, блѣдный отъ нетерпѣнья узнать все поскорѣе, сидѣлъ Кико, хмуря свои черныя брови. Затѣмъ Магуль опустилась подлѣ на колѣни и, приложивъ пальчикъ къ губамъ, зашептала быстро-быстро:

— Тише!.. Ради Аллаха, тише!.. Услышитъ ага, изобьетъ до полусмерти Магуль нагайкой! Услышитъ Али—еще того хуже будетъ! Молчи, молчи, князекъ пригожій! Молчи, яркое солнышко грузинскихъ долинъ! Слушай, красавчикъ, слушай молча, что Магуль тебѣ говорить станетъ: Али—братъ мой, но онъ лукавъ,

какъ змѣя въ горной трещинѣ. И онъ преданъ Вано, какъ рабъ послѣдній. Прикажетъ ему ага въ пропасть столкнуть сестру Магуль, столкнетъ, не сморгнувъ глазомъ... И всѣ здѣсь такіе... Всѣ... Одинъ Гарго хорошъ и добръ, и простъ, какъ ягненокъ, да Като,—храни ее Аллахъ!—она точно ангелъ Джебраилъ на небѣ, а не женщина, жена душмана, разбойника...

— Какъ душмана?—вырвалась изъ груди Кико.

— Тише, алмазъ души моей, тише!..—сложивъ на груди рученки, взмолилась Магуль.—Услышатъ, Аллахъ верди (помилуй Богъ), и себя, и меня погубишь... Ну да, душманъ, барантачъ, разбойникъ Вано; всѣ это знаютъ... Зачѣмъ бы мирному грузину сюда, въ глушь дагестанскихъ горъ, забираться? И живетъ-то онъ въ одинокомъ полуразрушенномъ замкѣ: съ трехъ сторонъ—пропасти, съ четвертой бѣжитъ рѣка Койсу... Чужому не добраться... Нужно по мосту пройти... А тебя помѣстилъ въ горной саклѣ подлѣ замка, въ ущельѣ, чтобъ никто не могъ тебя найти... Люди сказываютъ, что здѣсь прежде лезгинское селеніе было... Остатки саклей кое-гдѣ есть, да оспа здѣсь была, (знаешь, небось, болѣзнь такую?) всѣ переумерли... Мѣсто это проклятымъ считается. А Вано не побоялся и поселился здѣсь съ семьею... Говорятъ, его изъ Грузіи ваши же христіане за мелкій разбой прогнали... А сюда переселился, сталъ крупнымъ промышлять... И старшіе сыновья его, Давидка да Максимъ, съ нимъ вмѣстѣ и Али тоже... Обобрать кого-либо дочиста на проѣзжей дорогѣ, въ горной глуши, или изъ аула ближайшаго коней свести, или другое что похуже сдѣлать,

для нихъ троихъ пустячное дѣло... Вотъ и тебя тоже взяли, теперь никогда не увидишь родного дома и отца князя...

— Неправда, увижу!..—прервалъ взволнованную рѣчь дѣвочки дрожащій голосъ, и не успѣла Магуль остановить мальчика, какъ онъ уже стоялъ посреди горницы, весь пылающій, трепетный, съ горящими рѣшимостью глазами.

— Молчи!.. Молчи!.. Не губи Магуль! Что ты, что ты?!—зашептала въ ужасѣ дѣвочка, вся бѣлая, какъ ея бѣлая рубаха.

Но Кико уже не слушалъ ея. Неплотно припертая дверь сакли уже приковала его взоры. Тамъ, въ небольшую щель, онъ увидѣлъ громоздившіяся одна на другую скалы со сбѣгавшими по нимъ безчисленными потоками и горные склоны, поросшіе кое-гдѣ мхомъ и архонью (родъ колючки). И надъ ними—кусочекъ голубого неба, того самаго неба, которое глядѣло на него въ небольшое отверстіе подъ самымъ потолкомъ его сакли-тюрьмы.

Кико вздрогнулъ неожиданно отъ мысли, которая пришла ему въ голову: что, если выскочить за порогъ, перебѣжать мостъ надъ стремниной и умчаться дальше-дальше въ горы, гдѣ можно на случай погони спрятаться за каждымъ уступомъ скалы, за каждымъ утесомъ, за каждымъ кустомъ или деревомъ.

Кико пытливо взглянулъ на Магуль. Глаза дѣвочки смотрѣли довѣрчиво и кротко. Она, очевидно, не подозрѣвала его мыслей. Впрочемъ, если бы она прегра-

дила дорогу Кико, то маленькій князекъ, ловкій, какъ кошка, всегда сумѣлъ бы постоять за себя.

Однимъ быстрымъ взглядомъ измѣрилъ онъ разстояніе отъ тахты до двери. Всего три-четыре большихъ прыжка, и онъ на свободѣ. Пока соберется погоня, онъ, Кико, добѣжитъ до какого-нибудь аула и умолитъ его жителей-лезгинъ спасти его отъ душмана Вано, котораго не очень-то уважаютъ здѣсь, въ горахъ.

Еще мгновенье... Еще и еще... и Кико рѣшилъ привести свой планъ въ исполненіе.

Взрогнувъ всѣмъ тѣломъ, онъ испустилъ легкій крикъ и бросился къ выходу.

За нимъ, исполненный страха, прозвучалъ вопль Магуль.

Но Кико не обратилъ на него вниманія. Онъ былъ уже за порогомъ сакли.

ГЛАВА XIV.

Пять братьевъ. Неожиданные враги. Надъ бездной.

— Здравствуй, Кико! Куда собрался, бездѣльникъ?

Голосъ, произнесшій эти слова, звучалъ явной насмѣшкой, а тяжелая рука Давидки Мичашвили опустилась на плечо Кико. Его цѣпкіе пальцы такъ и впились въ плечо бѣглеца.

— Ха-ха-ха! Ишь, какой прыткій. Джайрану или горному туру какъ разъ подъ стать!—произнесъ второй голосъ.

Испуганно воззрившись на говорившаго, Кико узналъ въ немъ второго брата Давидки, Максима, который смѣялся такъ же злорадно, какъ и его старшій братъ.

Тутъ были еще три мальчика, которыхъ Кико видѣлъ впервые въ жизни, потому что Вано никогда не привозилъ ихъ въ гости къ князю Павле Тавадзе на Алазань. Одинъ изъ нихъ, съ мѣднокрасными во-

лосами, что составляетъ большую рѣдкость у грузинъ, былъ лѣтъ четырнадцати и отличался злымъ, жестокимъ выраженіемъ лица, какое рѣдко можно встрѣтить у такого мальчика. Другой, толстый до смѣшного, на короткихъ ногахъ, съ глупымъ овечьимъ взглядомъ часто мигающихъ глазъ, казался сонnымъ и очень равнодушнымъ ко всему міру. И, наконецъ, миловидный черноглазый ребенокъ, одного возраста съ Кико, былъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на Като: тѣ же печальные дивные глаза, то же хрупкое сложеніе и прозрачная блѣдность лица.

Кико понялъ, что передъ нимъ три остальные его троюродные брата: Михако, толстый Дато и Горго.

Давидка все еще держалъ его за плечо, издѣваясь надъ нимъ.

— Что, ловко убѣжалъ отъ насъ, олень быстроногій?—говорилъ онъ насмѣшливо.—Прытокъ не въ мѣру, соколенокъ, что и говорить. Да мы тебѣ крылышки подрѣжемъ. Изъ орленка въ мокрую курицу превратимъ. Что на это скажешь? А?

И такъ какъ Кико, взволнованный и ошеломленный, молча стоялъ среди нихъ, ничего не отвѣчая и съ тоской озираясь на дикую дагестанскую природу, Давидка сердито и больно рванулъ его за ухо и грубо крикнулъ.

— А за то, что ты бѣжать вздумалъ, будетъ тебѣ наказаніе. Ты знаешь, что значитъ прыжокъ джайтана?

— Прыжокъ джайтана! Прыжокъ джайтана! Вотъ такъ славную штуку придумалъ ты, братъ!—и огнен-

но-красная голова Михако закачалась изъ стороны въ сторону отъ смѣха. Онъ запрыгалъ на мѣстѣ и затопалъ ногами отъ удовольствія.—Покажи ему, что значитъ прыжокъ джайтана. Да! Да! Покажи, непремѣнно покажи!

Впрочемъ, радовался и хохоталъ не одинъ Михако. Максимъ, Давидка и даже толстякъ Дато смѣялись не меньше его. Очевидно, ихъ очень забавляла предстоявшая потѣха. Одинъ только Горго стоялъ смирно и, умоляюще складывая ручонки, лепеталъ своимъ нѣжнымъ голоскомъ, обращаясь то къ одному брату, то къ другому:

— Ахъ, не мучьте Кико! Не надо! Сжальтесь надъ нимъ, сжальтесь! Вѣдь онъ нашъ гость!

— Не гость, а плѣнникъ. Что за чепуху ты городишь? — и Максимъ грубо толкнулъ мальчика изо всѣхъ силъ.

Тотъ закусилъ губу, чтобы не заплакать. Но непослушныя слезы одна за другой, какъ крупныя градины, покатились изъ его черныхъ печальныхъ глазъ.

— Ну, этого еще недоставало! Заревѣлъ, какъ баба. Ахъ, ты нюня этакая! Вотъ такъ джигитъ! Мокрая курица, трусъ!

Тутъ Михако бросился къ младшему братишкѣ и замахнулся на него кулакомъ.

Что-то необычайное произошло съ Кико. Въ жизни своей мальчикъ не выносилъ, когда обижали кого-нибудь, и, забывъ про то, что онъ среди враждебно настроенной къ нему молодежи, что онъ плѣнникъ и

одинокій, слабый мальчикъ, онъ ловко вывернулся изъ рукъ державшаго его Давидки, подбѣжалъ къ Горго, обнялъ его одной рукой, другою же лихо подбоченился и крикнулъ съ вызывающей усмѣшкой:

— Эй вы, джигиты! Забыли, что-ли, что нашъ восточный обычай учитъ сильныхъ заступаться за слабыхъ? А вы еще сами притѣсняете слабаго. Да будетъ за это надъ вами стыдъ и позоръ!

Одну минуту братья молчали, ошеломленные дерзостью маленькаго плѣнника. Но вотъ загремѣлъ голосъ восемнадцатилѣтняго Давидки, исполненный самаго дикаго гнѣва.

— Какъ! ты еще разговаривать смѣешь, дерзкій лягушенокъ! Ага, такъ-то! Ну ладно же, мы сумѣемъ заткнуть твой глупый ротъ... Эй, Михако, бери Горго да запри его въ саклѣ Кико, пока мы потѣшимся вдоволь надъ его новымъ пріятелемъ... А ты, Дато, бѣги въ башню, тамъ есть веревка у меня въ горницѣ. Тащи ее къ намъ сюда да поживѣй.

Михако послушно подхватилъ на руки Горго и бросился съ нимъ въ маленькій горный, выложенный изъ камня, домикъ, на порогѣ котораго сейчасъ стояла перепуганная Магуль. Дато же быстро, насколько это позволяла ему его толстая приземистая фигура на короткихъ неуклюжихъ ногахъ, кинулся исполнять другое порученіе Давидки.

Черезъ нѣсколько минутъ оба брата вернулись и заперли накрѣпко дверь сакли, втолкнувъ въ нее предварительно Магуль и Горго. Дато, запыхавшійся и

красный, какъ цвѣтокъ гранатника, стоялъ, тяжело отдуваясь, передъ братомъ и подавалъ ему веревку.

— Ну, теперь держись, пріятель. Будетъ тебѣ и за то, что бѣжать вздумалъ, и за то, что намъ дерзостей наговорилъ, да и за все вообще сразу, чтобы больно не зазнавался.

И, произнося эти обращенныя къ Кико слова, Давидка усмѣхался насмѣшливой усмѣшкой, въ то же время ловко завязывая вокругъ стана мальчика толстую крѣпкую веревку.

Покончивъ свою работу, онъ весело крикнулъ:

— Ну, айда, идемъ теперь къ краю пропасти, братья, поглядѣть, на самомъ ли дѣлѣ прытокъ нашъ князекъ, и сумѣетъ ли онъ перепрыгнуть горную трещину, какъ дикій джайтанъ.

Съ этими словами Давидка, въ сопровожденіи братьевъ, подвелъ Кико къ краю глубокой темной бездны, образовавшейся въ горѣ вслѣдствіе трещины, размытой, очевидно, грозою и дождемъ.

Пропасть шириною была въ два аршина, не менѣе, а глубина ея оказывалась таковою, что голова невольно кружилась у того, кто заглядывалъ въ черную пасть, куда со звономъ бѣжали горные потоки, прыгая съ уступа на уступъ.

— Ну же, прыгай! Нечего зря-то глазами хлопать!— крикнулъ Давидка и грубо дернулъ за веревку Кико.— Перепрыгнешь на ту сторону—молодецъ будешь, горный джайтанъ, орелъ и джигитъ. Струсишь—тебѣ же хуже. Я, братъ, этого не попущу, и получишь ты отъ

меня въ изобиліи и на пряники, и на лепешки, и на шербетъ.

— Прыгай! Прыгай! Не бойся! Веревка удержитъ, не упадешь въ бездну!—съ нехорошей улыбкой вторилъ Максимъ старшему брату.

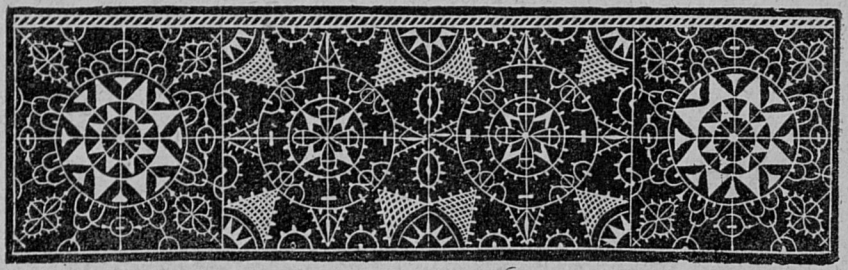
— Эй, жаль, нагайки у меня нѣтъ съ собою, я бы ему поддалъ жару!—вскричалъ Михако, и глаза его хищно засверкали.

А толстый Дато только ухмылялся своими красными губами да впивался въ лицо Кико глупымъ, ничего не выражающимъ взглядомъ.

Самъ Кико былъ бѣлъ, какъ снѣжная вершина горы, сверкавшей далеко-далеко надъ всѣми горами, за сѣтью облаковъ. Но не отъ страха. Нѣтъ, по другой совершенно причинѣ: гордый мальчикъ не выносилъ грубаго обращенія съ собою. Всѣ эти грубости и насмѣшки кололи его не меньше ударовъ кинжала. Онъ надменнымъ взглядомъ обвелъ своихъ враговъ и произнесъ поблѣднѣвшими губами:

— Князь Кико Тавадзе никогда не былъ трусомъ и докажетъ вамъ это, горныя чекалки! Глядите!

И безъ всякаго разбѣга Кико занесъ ногу, сдѣлалъ прыжокъ и повисъ надъ бездной, удерживаемый веревкой Максима и Давидки. Въ ту же минуту голова у него закружилась, и онъ потерялъ сознаніе...



ГЛАВА XV.

Данное слово.—Новые друзья.

КИКО очнулся въ свѣтлой круглой комнатѣ, устланной мягкимъ ковромъ, а поверхъ ковра шкурами убитыхъ туровъ. Турьи рога были вдѣланы въ стѣну и служили вѣшалками разнымъ вещамъ домашняго обихода, развѣшеннымъ по стѣнамъ. Кико лежалъ на коричневой шкурѣ тура, отливавшей золотомъ; голова его покоилась на чьихъ-то колѣняхъ, и чьи-то нѣжные пальцы осторожно и ласково перебирали его черные кудри.

— Это тетя Като, должно быть,—пронеслось въ головѣ мальчика, и онъ закрылъ глаза, охваченный дремотой.

Онъ скоро уснулъ и во снѣ слышалъ ласковый шопотъ и нѣжные-нѣжные, сладкіе, мелодичные звуки чунгури. Когда онъ снова открылъ глаза послѣ недолгаго подкрѣпляющаго сна, то увидѣлъ, какъ руки Като, лицо которой склонилось надъ его головой, перебирали струны его любимѣйшаго музыкальнаго инструмента.

— Чунгури! О, тетя Като! Откуда ты ее достала?—и мальчикъ быстро приподнялся и впился глазами въ мелодичный инструментъ.

— Ну, слава святому Георгію и преподобной Нинѣ, ты снова здоровъ и бодръ, сердце мое!—произнесъ кроткій голосъ Като, и она обняла мальчика.—А чунгури я отыскала среди разнаго хлама у насъ въ башнѣ. Ты можешь на ней играть, Кико, она твоя...

— Можешь играть и пѣть,—вторили княгинѣ два дѣтскіе голоска. Живо обернувшись, маленькій князекъ увидѣлъ Магуль и Горго, сидѣвшихъ тутъ же, на шкурѣ другого тура, наброшенной поверхъ подушекъ, и ласково поглядывавшихъ на него.

— А гдѣ же злые мальчики, которые мучили меня и заставили прыгать черезъ бездну?—сорвалось съ устъ Кико, и онъ поднялъ на Като вопрошающій взглядъ.

— Успокойся, они не придутъ больше, Кико. Вано подоспѣлъ какъ разъ въ ту минуту, когда ты висѣлъ надъ пропастью, и подъ страхомъ строгаго наказанія запретилъ имъ обижать тебя снова. И въ твою саклю ты не пойдешь больше, а останешься со мною, Горго и Магуль здѣсь, въ башнѣ, если дашь мнѣ слово, что не убѣжишь отъ насъ.

Като подняла за подбородокъ личико Кико и глубоко и серьезно заглянула ему въ глаза своими кроткими, печальными глазами.

— Ну же, Кико, отвѣчай скорѣе, ты не будешь больше дѣлать попытокъ убѣжать отъ насъ?

Кико молчалъ. Какъ онъ могъ дать слово не стремиться къ побѣгу отсюда, когда вся его маленькая душа такъ и рвалась къ обожаемому отцу, къ доброй бабушкѣ Илитѣ, къ милой Шушѣ, которую онъ такъ незаслуженно обижалъ въ послѣднее время, предпочитая ей общество этого злого и лукаваго Али? Нѣтъ, нѣтъ, онъ не сможетъ дать этого слова, потому что не сможетъ сдержать его. А не сдержать даннаго слова, по мнѣнію мальчика, это такая подлость, на которую не можетъ рѣшиться ни одинъ честный и порядочный человѣкъ.

Видя его колебаніе, Като заговорила снова.

— Слушай, Кико. Я не сдѣлала тебѣ никакого зла, я была съ тобой добра и ласкова, мальчикъ, и ты долженъ отплатить мнѣ тѣмъ же. Я упросила Вано отдать тебя мнѣ и дала ему за тебя слово, что ты не убѣжишь. Неужели же ты, Кико, сдѣлаешь меня обманщицей въ глазахъ Вано?

Маленькій князекъ поднялъ голову. Синіе глаза его блеснули гордымъ блескомъ.

— Я сынъ князя Павле Тавадзе и не хочу давать слова, котораго, знаю это заранѣе, не смогу сдержать. Я хочу къ отцу... Я не могу оставаться здѣсь...

— Но, бѣдный мальчикъ, ты не дойдешь до дома, ты заплутаешься въ горахъ и погибнешь... Все равно отецъ твой не увидитъ тебя. А мнѣ ты принесешь большое горе своимъ новымъ бѣгствомъ, Кико. Гнѣвъ Вано обрушится на меня. Неужели же ты захочешь мнѣ зла, мой мальчикъ?

— Нѣтъ! Клянусь святой Ниной, нѣтъ! Ты добрая!..

— Тогда ты даешь мнѣ клятву не убѣгать и никому не открывать твоего похитителя?

Кико до крови закусилъ губу; лицо его сразу осунулось и еще больше поблѣднѣло. Не легкая борьба происходила въ его маленькомъ сердцѣ.

Но вотъ онъ поднялъ голову, своими честными синими глазами прямо, открыто взглянулъ въ лицо Като и произнесъ твердо:

— Хорошо. Я даю вамъ слово и клянусь честью дома Тавадзе, что не убѣгу отсюда, но... но я буду постоянно молиться святому Георгію, чтобы онъ упросилъ Бога умудрить моего отца искать меня здѣсь, въ этой башнѣ.

И онъ закрылъ лицо руками, чтобы не показать слезъ слабости, выступившихъ у него на глазахъ.

Магуль вскочила съ пола и забила въ ладоши, при чемъ громко зазвенѣли всѣ ея безчисленныя монеты и запястья на шеѣ и рукахъ, а Горго бросился къ Кико съ сіяющими глазами, протягивая ему руку.

— Теперь тебя не запрутъ подъ замокъ больше,— вскричалъ онъ весело,—и я такъ радъ этому, такъ радъ! Вѣдь ты другъ мой, ты заступился передъ братьями за маленькаго слабаго Горго, и Горго никогда не забудетъ этого.

И мальчикъ серьезно, какъ взрослый, обмѣнялся съ Кико рукопожатіемъ.

ГЛАВА XVI.

Новая жизнь. Заговорившая совѣсть. Разговоръ въ башнѣ.

ЖИЗНЬ Кико пошла по-новому. Его уже не запирали больше, и онъ пользовался относительной свободой. Онъ могъ гулять по двору усадьбы, могъ бѣгать на вышку башни или подолгу просиживать на краю пропасти и слушать вмѣстѣ съ Горго и Магуль дикія пѣсни горныхъ потоковъ. Впрочемъ, сюда онъ приходилъ рѣдко, не желая встрѣчаться со старшими братьями Мичашвили, то и дѣло прибѣгавшими сюда. Большую часть своего времени Кико проводилъ на башнѣ или же бродилъ по внутреннему дворику замка.

Этотъ замокъ совсѣмъ не походилъ на ихъ горную усадьбу. Здѣсь не было стѣны, потому что окружавшіе утесы сами служили оградой усадьбѣ, состоявшей изъ полуразрушенной башни и двухъ-трехъ каменныхъ пристроекъ. Овецъ и коней было немного у

Вано, зато подвалъ башни казался биткомъ-набитымъ какими-то странными тюками, мѣшками и деревянными ларями всевозможной величины.

Когда Кико хотѣлъ узнать у своихъ друзей и постоянныхъ спутниковъ, Горго и Магуль, что это за вещи, тѣ или отмалчивались, или дѣлали видъ, что не слышатъ его вопроса.

Часто Кико бралъ свою чунгури и пѣлъ пѣсни. Като, Горго и Магуль замирали отъ восторга, слушая его нѣжный серебристый голосокъ. А если дома находился и Вано съ сыновьями, что бывало, впрочемъ, рѣдко, такъ какъ хозяинъ горнаго гнѣзда и его старшія дѣти чаще находились въ отлучкѣ, то и они, бросивъ дѣло, заслушивались маленькаго пѣвца.

— Экъ, хорошо поетъ мальчишка!.. Не одну тысячу тумановъ*) далъ бы за такія пѣсни любитель,— не разъ срывалось съ устъ всегда хмураго и суроваго Вано, и послѣ этого онъ сильно задумывался, рѣшая какой-то сложный вопросъ.

А изъ-за высокаго утеса еще одинъ невидимый слушатель жадно ловилъ каждое слово пѣсенъ Кико.

Этотъ слушатель былъ горбунъ Али, старательно избѣгавшій встрѣчи съ маленькимъ плѣнникомъ своего господина. Когда Кико распѣвалъ свои пѣсенки, аккомпанируя имъ на подаренной ему Като чунгури, Али положительно не находилъ себѣ мѣста.

Печальные, полные тоски по родинѣ, по отцу и родному дому, звуки голоска Кико падали, какъ рас-

*) Туманъ—монета, равняющаяся десяти рублямъ.

каленные камни, въ сердце Али, и совѣсть не давала ему покоя.

Незлой отъ природы, Али мучился своимъ поступкомъ. Ему было жаль Кико, и въ то же время онъ не посмѣлъ ослушаться своего господина, которому былъ обязанъ жизнью и благополучіемъ своимъ и своей сестры. Вотъ почему онъ всячески избѣгалъ встрѣчи съ маленькимъ плѣнникомъ Вано и старался не попадаться ему на глаза.

* *
*

Однажды Кико проснулся среди ночи.

Ночникъ въ видѣ плошки, наполненной бараньимъ жиромъ, стоялъ въ углу круглой башенной комнаты и освѣщалъ ее. Въ этой комнатѣ, перегороженной надвое какой-то ветхой шелковой тканью, спала княгиня Като съ Магуль, а по другую сторону занавѣски—онъ и маленькій Горго.

Какой-то шорохъ и шопотъ грубаго человѣческаго голоса разбудили Кико. Онъ быстро открылъ и протеръ глаза.

Чья-то легкая тѣнь скользнула въ это время изъ комнаты.

Кико едва-едва успѣлъ разглядѣть бѣлую одежду и длинный личокъ Като. Затѣмъ все стихло. И вотъ среди ночи Кико разслышалъ чьи-то два спорящіе голоса и тихій сдавленный плачъ.

Мальчикъ быстро вскочилъ съ тахты и, не разсуждая больше, кинулся сломя голову на лѣстницу, движимый одною мыслью—заступиться за того, кто

Вано и его сыновья заслушивались маленькаго пѣвца...

Гос.
Публичная
Библиотека
в
Ленинграде

плачетъ, кого обижаютъ. Но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по крутой и узкой лѣстницѣ наверхъ, въ высшую часть башни, онъ замеръ отъ неожиданности, услышавъ рѣзко долетавшія до него слова.

— Не женское дѣло, Като, мѣшать мужчинамъ проявлять ихъ удаль и боевую отвагу. Да и потомъ, Като, у насъ пятеро сыновей, и надо позаботиться объ ихъ будущемъ.

— Но, Вано,—разслышалъ Кико плачущій голосъ Като,—имъ надо дать воспитаніе, отослать ихъ учиться въ Тифлисъ, а не пріучать ихъ жить грабежомъ и разбоями.

— Какъ ты смѣешь вмѣшиваться въ мои дѣла!—загремѣлъ, забывъ всякую сдержанность, голосъ Вано.—Не умѣй я такъ искусно пріобрѣтать для моихъ дѣтей богатства, они остались бы нищими. Такъ не мѣшай же мнѣ. Слышишь?

О, какъ грозно прогремѣли послѣднія слова Вано среди ночной тишины!

Кико испуганно рванулся было впередъ на защиту Като. Смѣлый мальчикъ весь горѣлъ желаніемъ постоять за ту, которую сейчасъ обижали. Не помня себя, кинулся онъ по скользкимъ крутымъ ступенькамъ. Но неожиданно почувствовалъ, какъ кто-то цѣпко ухватился за полы его чохи, а тихій голосокъ зашепталъ ему въ темнотѣ на ухо.

— Господь съ тобой, Кико! Опомнись, безумный! Или ты хочешь, чтобы онъ на смерть заколотилъ тебя?

И двѣ слабыя дѣтскія ручонки Горго оттянули Кико назадъ въ горницу.

Взволнованный, онъ послѣдовалъ за своимъ троюроднымъ братомъ, позволилъ ему уложить себя на тахту и, уже лежа подлѣ Горго, спросилъ:

— Что означаетъ все это?

— Молчи, молчи, Кико...—зашепталъ испуганно мальчикъ.—Все равно ты не сможешь ничего передѣлать. Слушай: завтра отецъ и два старшіе брата, въ сопровожденіи Али, вооруженные винтовками, поскачутъ въ гору. Вернутся они, можетъ быть, не скоро, черезъ нѣсколько дней, но привезутъ съ собою много прекрасныхъ вещей. Можетъ быть, приведутъ и коней съ собою. Матушка приготовитъ имъ обильный ужинъ, изъ погреба достанутъ нетронутые мѣха съ виномъ, и они до утра будутъ всѣ четверо ѣсть, пить и пѣть пѣсни. А матушка будетъ плакать, крестить и обнимать меня. А Дато съ Михакой будутъ подслушивать у дверей, что будетъ говорится за пирушкой. Такъ ужъ всегда бываетъ...

— Значитъ,—началъ раздумчиво Кико,—это правда, что твой отецъ, Горго, душ...

Онъ не договорилъ начатой фразы. Снова послышался легкій шорохъ за дверью, и Като вошла въ комнату.

Мальчики притворились спящими, чтобы не волновать больше взволнованной и безъ того княгини.

ГЛАВА XVII.

Сборы на темное дѣло. Обѣщаніе Вано. Несчастіе.

Яркіе солнечные лучи разбудили Кико. Голубое небо смотрѣло въ круглое оконце башни, когда онъ открылъ глаза, ослѣпленные солнечнымъ сіяніемъ.

Ржаніе коней и громкій говоръ нѣсколькихъ голосовъ достигли до ушей Кико.

Маленькая фигурка Магули въ тотъ же мигъ предстала предъ нимъ.

— Вставай, солнце души моей, да бѣги во дворъ провожать нашихъ. Вано уѣзжаетъ нынче. Давидку съ Максимомъ беретъ съ собою; хотѣли и Михако, да мать не пускаетъ. Молодъ еще Михако для поѣздокъ въ горы. Аллахъ вѣдаетъ, что ждетъ ихъ тамъ. Еле упросила мать его оставить. Плакала... Алла верди (Господи, помилуй), какъ плакала. Ну пойдемъ, алмазъ мой. На дворѣ помоемся у источника.

И дрожащая отъ нетерпѣнія, Магуль, схвативъ Кико за руку, метнулась съ нимъ внизъ по лѣстницѣ башни.

Во дворѣ они нашли всю семью въ сборѣ. Тутъ былъ и Али, при появленіи Кико съ преувеличеннымъ стараніемъ занявшійся тремя осѣдланными лошадьми, которыхъ онъ прогуливалъ по двору. Самъ Вано, Давидка и Максимъ, одѣтые по-дорожному, съ винтовками за плечами, съ кинжалами, заткнутыми за поясъ, тихо разговаривали съ Като.

— Вай-ме *)—со слезами говорила бѣдная женщина,—не ѣздите никуда! Оставайтесь дома! Недоброе чуетъ сердце мое!..

— Ну, пошла-поѣхала! Бабьи бредни! На печкѣ имъ прикажешь валяться, что ли?—прикрикнулъ на жену Вано.—Благодари Бога, что Михако еще оставилъ дома. Пришей его къ своей юбкѣ, пусть около сидитъ,—докончилъ онъ свою рѣчь грубымъ смѣхомъ.

Рыжеволосый Михако сердито покосился на мать и, поблѣднѣвъ отъ обиды, произнесъ тихо:

— Я не дѣвчонка и не малышъ, чтобы сидѣть дома. Возьми меня, отецъ, съ собою.

— Ну, не твое дѣло учить меня, молчи, пока не выросъ,—строго осадилъ его Вано и, замѣтивъ появившагося во дворѣ Кико, крикнулъ:

— Ну, какъ поживаешь, племянничекъ? Образумился, небось. Ну, вотъ и славно! Если впредь себя

*) Грузинское восклицаніе при выраженіи радости, горя или испуга.

хорошо будешь вести, радость увидишь. Берегись только пытаться удрать отсюда. Михако и Дато, вамъ его поручаю. Смотрите за нимъ въ оба. Ну, а теперь прощайте. Оставайтесь съ Богомъ. Намъ надо въ путь.

И сурово мотнувъ головою, Вано вскочилъ въ сѣдло и галопомъ первый поскакалъ со двора. За нимъ поскакалъ Али.

Като бросилась-было къ Максиму и Давидкѣ, чтобы проститься съ ними, но тѣ нарочно отклонились отъ ея объятій, вскочили на коней и поспѣшили за первыми всадниками.

Печальная, мать направилась въ домъ въ сопровожденіи Магули и ластившагося къ ней Горго, который своимъ добрымъ отношеніемъ во что бы то ни стало хотѣлъ загладить грубый поступокъ старшихъ братьевъ.

Задумавшійся Кико остался во дворѣ, прислонившись къ стволу единственной чахлой чинары.

— Эй ты, байгушъ (нищій)!—крикнулъ ему Михако, особенно злой сегодня за постигшую его неудачу (онъ такъ хотѣлъ сопутствовать братьямъ и отцу).—Спой намъ, что ли. Бери свою деревяшку и побрянчи на ней. Я теперь остался старшій въ домѣ, слѣдовательно, могу приказывать тебѣ. Эй ты, тебѣ говорятъ, что ли!

Кико не отвѣчалъ ничего. Только поблѣднѣлъ отъ оскорбленія и крѣпко сжалъ губы.

Тогда Дато, желая подслужиться къ старшему брату, подскочилъ къ Кико и дернулъ его за волосы.

— Эй ты, глухой байгушъ, не слышишь развѣ, что тебѣ говоритъ Михако?

Вся кровь бросилась въ лицо Кико. Такого оскорбленія онъ уже не могъ снести. Быстрымъ движеніемъ сбилъ онъ съ ногъ толстаго, неповоротливаго Дато, пригнулъ его къ землѣ и, сидя верхомъ у него на груди, спокойнымъ голосомъ произнесъ, отчеканивая каждое слово:

— Запомни разъ навсегда, что Кико не байгушъ. Кико—князь Тавадзе съ Алазани и сумѣетъ постоять за себя.

И подержавъ такъ нѣсколько секундъ ошалѣвшаго отъ неожиданности и старавшагося освободиться толстяка, онъ вскочилъ снова на ноги и, не говоря ни слова, пошелъ разыскивать Горго.

* *
*

Третій день отсутствуютъ старшіе члены семьи Вано. Като проглядѣла всѣ глаза, наблюдая въ окошко башни, не скачутъ ли домой всадники. А тутъ, какъ нарочно, круто перемѣнилась погода. Подули вѣтры, пошли дожди. Внезапный холодъ смѣнилъ въ горахъ знойное лѣто. Шумливѣе заиграли горныя рѣки. Теперь въ круглой башнѣ постоянно топился бухаръ (каминъ), единственный во всемъ зданіи. Всюду на манчалахъ (жаровняхъ) безсмѣнно поддерживались горячіе уголья, потому что холодные вѣтры то и дѣло проникали во всѣ щели и бродили по башнѣ и ея пристройкамъ.

На душѣ обывателей горнаго гнѣзда было не

радостнѣе, нежели въ природѣ. Като замѣтно волновалась за участь мужа и дѣтей. Горго раздѣлялъ ея заботы. Магуль безпокоилась за брата, который, каковъ бы ни былъ, а все же былъ ей братомъ, единственнымъ близкимъ ей по крови существомъ.

Что же касается Кико, то бѣдный мальчикъ совсѣмъ извелся, тоскуя по отцѣ и родномъ домѣ. Правда, теперь, послѣ того маленькаго происшествія съ Дато, троюродные братья перестали приставать къ нему, даже Михако проникся нѣкоторой долей уваженія къ безстрашному благородному мальчугану. Но отъ этого тоска не уменьшалась въ сердцѣ Кико. Ахъ, какъ онъ страдалъ въ разлукѣ съ дорогими его сердцу людьми! И будущее было для него закрыто. Вѣдь если вѣрить словамъ Вано, то Кико никогда уже не увидитъ своего отца. А что значили слова Вано о томъ, что его, Кико, ждетъ какая-то радость? Какая же радость можетъ быть въ разлукѣ съ отцомъ?

Кико такъ задумался о своей судьбѣ, что не замѣтилъ Като, протягивавшей ему чунгури.

— Спой намъ, Кико, соловушко Алазанскій. Авось, легче отъ твоей пѣсенки станетъ на душѣ.

То же попросили Магуль и Горго въ одинъ голосъ:

— Спой, Кико, пожалуйста, спой.

Маленькій князекъ не сталъ упираться. Принялъ чунгури изъ рукъ тетки, настроилъ ее и, ударивъ по струнамъ ея, запѣлъ:

Однажды въ долинѣ Кахетіи дивной
Въ чинаровой рощѣ жилъ-былъ соловей,
Буль-Буль сладкогласный, пѣвецъ сѣрокрылый,

Король Алазанскихъ ночей.
Онъ пѣлъ неземныя, прекрасныя пѣсни,
Чинары и розы внимали ему.
И мнилось: отъ пѣсенокъ тѣхъ искрометныхъ
Алмазныя звѣзды разсѣяли тьму,
И пышныя алыя знойныя розы
Прекраснѣе пахли подъ сѣнью чинаръ.
И мѣсяцъ алмазный пѣвцу молодому
Свой лучъ наилучшій принесъ ему въ даръ.
Но люди однажды его услыхали,
Поймали и въ клѣтку закрыли пѣвца...
И смолкли чудесныя пѣсни навѣки,
Что прежде онъ пѣлъ безъ конца, безъ конца.
Чудесныя пѣсни слагались на волѣ,
Не можетъ ихъ плѣнникъ въ тюрьмѣ распѣвать.
Пустите Буль-Буля изъ клѣтки унылой,
Чтобъ могъ онъ, какъ прежде. .

Копыта лошадей, громкое ржаніе и голоса, на мигъ заглушившіе и стонъ вѣтра, и шумъ дождя, прервали пѣніе Кико.

— Это наши вернулись!—обрадованнымъ голосомъ вскричала Като и первая, съ легкостью дѣвочки, вскочила съ тахты и бросилась во дворъ.

Магуль, Горго и Кико побѣжали за нею.

Въ полутьмѣ быстро спустившихся въ ненастье сумерекъ они увидѣли троихъ людей, несшихъ что-то на рукахъ по направленію къ двери.

— Вано! Давидка! Максимъ!—не своимъ голосомъ крикнула Като.—Вы ранены! Вай-ме! Кто изъ васъ раненъ, отвѣчайте же во имя Бога!

— Успокойся, мать,—вынырнувъ откуда-то изъ темноты, крикнулъ Максимъ.—Всѣ мы живы. Только чья-то пуля поцарапала грудь Али. Но и онъ живъ.

— Али! Братъ мой! Онъ раненъ! Пустите меня

къ нему во имя Аллаха!—тоненькимъ жалобнымъ голоскомъ простонала Магуль и, сбивъ съ ногъ не вовремя подвернувшагося на пути ея толстаго Дато, который, усиленно сопя, забарахтался короткими ногами въ воздухѣ, бросилась къ Али, причитывая съ плачемъ:

— Горе мнѣ, бѣдненькой Магуль, горе! Разгнѣвила я Аллаха, покаралъ онъ меня. Возьметъ къ себѣ Али Аллахъ, останется одна-одинешенька на свѣтѣ бѣдненькая Магуль!

И она стала биться головой о ноги раненаго, пока Вано не прикрикнулъ на нее.

— Молчи, дѣвчонка. И безъ твоего воя тошно. Ступай въ горницу и не мѣшай намъ. А вы тушите всѣ огни въ башнѣ и въ саклѣ, и чтобы тишина была полная. Авось, погоня не замѣтитъ нашего гнѣзда и проскачетъ мимо. Въ двухъ шагахъ ни зги не видно—такая тьма.

— Такъ за вами погоня?—замирая отъ страха, прошептала княгиня.

— Да. Наскочили на засаду какихъ-то негодяевъ. Тѣ стали стрѣлять, ранили Али, убили лошадь, за нами поскакали... Ихъ много—человѣкъ десять... Къ счастью, темнота наши слѣды покрыла... А все-таки поосторожнѣе надо. Чтобы ни свѣта, ни шума не было. Слыхали меня?

— О, Господи!—могла только шопотомъ произнести княгиня.—Не зарились бы на чужое добро, свое сохранили бы лучше. Ну, а съ Али какъ же?

— Плохо его дѣло, кажется,—произнесъ Вано.—

Отнесите его внизъ, въ саклѣ положите. Только кто съ нимъ возиться станетъ? Надо ему раны обмыть да полечить его, что ли. Не знахаря же звать изъ ближняго аула: сейчасъ догадается, въ чемъ дѣло, дурная слава о насъ пойдетъ.

— Я сдѣлаю для него все, что возможно, — вызвалась Като.

— Ну, ужъ нѣтъ. А кто намъ ужинъ подастъ? Мы голодны какъ чекалки. Пусть Магуль ухаживаетъ за братомъ,—возмутились Давидка и Максимъ.

— Но она внѣ себя отъ горя,—попробовала протестовать Като.

Тутъ небольшая тѣнь отдѣлилась отъ двери.

— Дядя Вано, позволь мнѣ ухаживать за Али,—прозвучалъ тихо голосъ Кико.—Я видѣлъ, какъ бабушка Илита перевязывала и лечила одного чепара, котораго нечаянно ранили на стрѣльбѣ въ цѣль, и я кое-чему научился въ тотъ разъ.

— Ухаживать за Али? Ишь, что выдумалъ!—грубо захохоталъ Вано.—А ты мнѣ его не отправишь къ Аллаху, мальчишка? А? Вѣдь нельзя сказать, чтобы Али очень благородно поступилъ тогда съ тобой...

— Теперь не время считаться съ Али. Онъ слабъ и изнемогаетъ отъ раны,—отвѣтилъ спокойно Кико.—Позволь мнѣ и Магуль остаться съ нимъ.

— Дѣлай, что хочешь,—махнулъ рукою Вано.—Не мнѣ же возиться съ нимъ! Спасибо еще долженъ онъ сказать намъ, что мы не бросили его на дорогѣ.

И, положивъ Али, съ помощью сыновей на но-

силки, они осторожно отнесли его въ ту самую саклю, гдѣ недавно лежалъ больной Кико.

— А теперь идемте!—сказалъ Вано и тутъ же удалился въ сопровожденіи семьи, оставивъ раненаго на попеченіи Магуль и Кико.

ГЛАВА XVIII.

Добромъ за зло.

КИКО сказалъ правду. Онъ отлично запомнилъ, какъ старая Илита ухаживала за раненымъ чепаромъ. Прежде всего онъ обратился къ плакавшей Магули.

— Утри глаза и бѣги за водой. Да принеси мнѣ чистаго полотна. Слышишь? И свѣтъ зажги, чирокъ что ли (плошка, наполненная бараньимъ жиромъ). Здѣсь темно, какъ въ могилѣ.

— Вано не велѣлъ зажигать...—начала дѣвочка и смолкла.

Кико, трепетавшій отъ нетерпѣнія, схватилъ ее крѣпко за руку и произнесъ повелительнымъ тономъ.

— Дѣлай, что тебѣ говорятъ, иначе Али умретъ.

— Умретъ!—испуганнымъ эхо повторила татарочка и бросилась исполнять приказаніе своего маленькаго товарища.

Минутъ черезъ десять она уже вернулась въ саклю со всѣмъ необходимымъ для раненаго.

Не теряя времени, Кико принялся за работу. При невѣрномъ свѣтѣ плошки онъ поспѣшилъ раскрыть грудь Али, на которой запеклась густая алая кровь, и, пользуясь тѣмъ, что раненый былъ безъ сознанія, а слѣдовательно не чувствовалъ боли, ловко и проворно обмылъ ему рану, забинтовалъ ее крѣпко принесеннымъ Магуль старымъ чистымъ бѣльемъ, предварительно нарвавъ его полосами. Потомъ онъ положилъ смоченный въ водѣ платокъ на голову раненаго, концомъ кинжала самого Али разжалъ ему зубы и влилъ въ ротъ нѣсколько капель воды. Магуль усердно помогала во всемъ мальчику.

Прошло не мало времени, пока Али пришелъ въ себя.

— Я еще живъ...—прошепталъ онъ чуть слышно.

— Живъ и среди друзей,—поспѣшилъ успокоить его Кико.

— А гдѣ же лезгины, которые преслѣдовали насъ?

— Ихъ нѣтъ, другъ мой. Погоня васъ не догнала... Но не разспрашивай больше ни о чемъ, тебѣ это вредно... Раненые не должны говорить...

— Пусть такъ. Я буду молчать... Но кто позаботился обо мнѣ? Кто забинтовалъ мои раны?—озираясь кругомъ, спрашивалъ Али.

Кико ничего не отвѣтилъ. Тогда выступила впередъ Магуль, бросилась на колѣни передъ тахтой, на которой лежалъ раненый Али, и зашептала, рыдая:

— Али, братъ мой! Бѣдный мой Али! Знай, что

князь Кико первый пришелъ тебѣ на помощь и ухаживаетъ за тобой, какъ другъ и братъ. Ахъ, Али, Али! Это ангелъ, который добромъ отплатилъ тебѣ за зло. Зачѣмъ, зачѣмъ ты такъ дурно поступилъ съ нимъ, Али?

И Магуль зарыдала еще громче, еще отчаяннѣе.

— Молчи, молчи!—простоналъ Али.—Не рви мнѣ сердца, Магуль... Я, можетъ быть, въ это утро уйду отъ васъ на судъ Аллаха... Не мучь же меня, сестра...

Онъ хотѣлъ еще добавить что-то, но голова его запрокинулась на подушку, и вмѣсто словъ получился одинъ хрипъ.

Кико долго сидѣлъ около раненаго, поминутно смачивая его лобъ холодной водой и вливая ему по каплямъ въ ротъ студеную влагу.

Когда забытье Али перешло въ сонъ, самъ Кико задремалъ, сидя на полу подлѣ тахты. Прикурнула и Магуль, измученная всѣми пережитыми въ эту ночь волненіями. И вотъ сквозь сонъ Кико почувствовалъ, какъ что-то горячее коснулось его руки. Онъ испуганно открылъ глаза.

Первый разсвѣтъ смотрѣлъ въ отверстіе сакли, сдѣланное поверхъ двери. Блѣдныя предутреннія звѣзды гасли въ высотѣ небесъ. И въ этихъ сумеркахъ начинающагося дня Кико увидѣлъ у своихъ ногъ сползшаго съ тахты Али, который покрывалъ его руки горячими поцѣлуями и слезами и лепеталъ сквозь рыданія:

— Кико, Кико! Князекъ черноокій! Бичо-джанъ, какъ называютъ тебя всѣ чепары и слуги... Бичо-

джанъ... Прости Али... Прости негодному Али, что онъ погубилъ тебя... Но вѣдь Али поклялся служить Вано, и что приказываетъ его ага, то и исполняетъ Али—его слуга... Чувствую, бичо-джанъ, мой повелитель, не дожить Али до солнечнаго восхода, а умереть безъ твоего прощенія не могу... Не могу также не исправить того, что сдѣлалъ тебѣ дурного... Слушай же: нынче утромъ должна рѣшиться твоя судьба... Пріѣдетъ старикъ Гассанъ изъ дальняго аула, пріѣдетъ къ Вано, чтобы взять тебя отъ него... Большія деньги заплатитъ онъ за тебя Вано. Много золотыхъ тумановъ (туманъ—десять рублей) отдастъ Гассанъ за тебя... А потомъ увезетъ тебя въ Турцію въ домъ одного паши... Ты будешь пѣвцомъ - невольникомъ въ домѣ паши, будешь его рабомъ и слугою на всю жизнь... О, не можетъ Али вынести этого, не успокоится его душа, пока онъ не увидитъ изъ загробныхъ владѣній Аллаха, что маленькій князь Кико Тавадзе, солнце Алазанской долины, возвращенъ своему отцу... Слушай же, князь Кико. Слушай же, бичо - джанъ! Когда будешь ты съ Гассаномъ проѣзжать по лезгинскому аулу Дуиди, и тамъ остановитесь ночевать, бѣги изъ той сакли, гдѣ проведете ночь съ Гассаномъ, бѣги въ домъ Амеда, сына Аслана -- этой мой другъ и названный братъ... Бѣги къ нему, его сакля третья отъ мечети (церкви), подлѣ лавки оружейника. Именемъ Али требуй, чтобы Амедъ доставилъ тебя въ горный замокъ твоего князя-отца... Тогда Али умретъ спокойно, зная, что ты спасенъ и что ты простилъ ему... Клянись мнѣ, бичо-джанъ, что ты сдѣлаешь все такъ, какъ я говорю...

Радостно забилось сердце Кико при послѣднихъ словахъ Али. Ярко вспыхнуло его лицо, и заблестѣли глазенки.

— О, Али! Я прощаю тебя отъ всего сердца и благодарю тебя, благодарю отъ всей души!—вскричалъ онъ и крѣпко сжалъ руки горбуна.

Но мгновенно померкла вся радость Кико.

— Али!—вскричалъ онъ, забывшись, дикимъ голосомъ.—Али! Я не смѣю такъ поступить. Я далъ клятву Като не дѣлать попытокъ къ бѣгству. А въ родѣ князей Тавадзе не было еще до сихъ поръ клятвопреступниковъ и безчестныхъ лгуновъ, и я, Кико Тавадзе, не преступлю моей клятвы!—съ отчаяніемъ заключилъ свою рѣчь мальчикъ.

Но что это съ Али? Кико сразу бросилась въ глаза смертельная блѣдность, разлившаяся по лицу раненаго. Горбунъ откинулся назадъ и лежалъ теперь на спинѣ весь изсиня-бѣлый, съ широко раскрытыми глазами...

Магуль, давно разбуженная голосами, тоже кинулась къ брату и заглянула въ его лицо...

— Аллахъ! Онъ умеръ!—вскричала Магуль и залилась горючими слезами.

— Онъ умеръ...—повторилъ какъ эхо и Кико.

ГЛАВА XIX.

Старикъ Гассанъ увозитъ Кико.

СКВОЗЬ неутѣшныя рыданія Магули, любившей умершаго брата со всею нѣжностью своего дѣтскаго сердечка, не слышно было шаговъ, раздавшихся за дверью сакли. Но вотъ сильной рукою отброшенъ коверъ у входа, и на порогѣ появился Вано въ сопровожденіи толстаго, небольшого роста, старика, въ бѣлой чалмѣ на головѣ и съ красной, выкрашенной по восточному обычаю, бородою.

— Али умеръ!—произнесла, рыдая, бѣдная дѣвочка, замѣтивъ Вано.

— Да приметъ пророкъ его душу!—произнесъ краснобородый старикъ, низко склоняя голову, въ то время, какъ Вано сурово смотрѣлъ въ блѣдное, осунувшееся за ночь лицо мертваго.

Прошло нѣсколько минутъ.

— Уйдемъ отсюда,—угрюмо произнесъ Вано.—Мнѣ нужно тебѣ сообщить нѣчто важное,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Кико.

И когда они втроемъ со старикомъ очутились въ другой комнатѣ, Вано продолжалъ:

— Ты уѣдешь сейчасъ, Кико, отсюда... Уѣдешь, чтобы никогда больше не возвращаться въ наши края... Гассанъ,—тутъ Вано указалъ рукою на старика,—повезетъ тебя съ собою... Ты будешь жить у богатаго турецкаго паши (генерала), къ которому доставитъ тебя Гассанъ. Понялъ?.. И будешь у своего новаго повелителя пѣть и играть, будешь его пѣвцомъ... Паша богатъ, и тебя ждетъ хорошая жизнь... Видишь, какъ я о тебѣ позаботился... Но запомни одно: князя Кико Тавадзе нѣтъ на свѣтѣ. Твое имя отнынѣ Самити, ты долженъ выдавать себя за внука старика Гассана. И ты долженъ мнѣ поклясться, что никто не узнаетъ, кто ты и что произошло съ тобою здѣсь... Ну, скорѣе, лошади уже ждутъ...

На одну минуту въ головѣ Кико промелькнула быстрая мысль: броситься на колѣни передъ Вано и молить отпустить его, Кико, возвратить отцу, и никто, даже самъ отецъ не узнаетъ имени его похитителя. Онъ, Кико, будетъ молчаливъ и нѣмъ, какъ рыба. Онъ будетъ счастливъ уже тѣмъ, что увидитъ любимаго, дорогого отца.

— Вано!—хотѣлось крикнуть Кико во весь голосъ. — Вано, верни меня отцу, и клянусь моей покойной матерью, моимъ отцомъ, моей честью, наконецъ, честью маленькаго Тавадзе, что никто никогда не узнаетъ, что случилось со мною за послѣднее время. Вѣрь мнѣ, Вано... Я изъ рода Тавадзе, пойми..

Этотъ порывъ такъ сильно захватилъ Кико, что

онъ уже сдѣлалъ шагъ впередъ, чтобы броситься на колѣни передъ Вано, но въ это время его глаза неожиданно встрѣтились съ глазами князя.

Сурово и рѣшительно смотрѣлъ Вано на маленькаго князя, и въ этомъ взглядѣ Кико прочелъ: «на жди отъ меня милости и пощады». Вано не вернетъ его домой, и, слѣдовательно, нечего ему, гордому маленькому отпрыску грузинскихъ родовитыхъ князей, унижаться и молить напрасно...

Тогда вмѣсто того, чтобы упасть на колѣни, Кико гордо выпрямился всей своей стройной фигуркой, блеснулъ глазами и, несмотря на сильно бившееся сердце, несмотря на горячую волну отчаянія, захлестнувшую его грудь, произнесъ тономъ маленькаго повелителя:

— Я готовъ. Идемте.

И первый вышелъ изъ сакли.

— Нѣтъ, нѣтъ, подожди... Безъ торжественной клятвы я тебя не отпущу...—замѣтилъ Вано.—Я вѣдь могъ бы бросить тебя гдѣ-нибудь въ пропасть, убить—и никто не узналъ бы... Но я этого не сдѣлалъ. Я рѣшилъ отдать тебя турецкому пашѣ... Но за это я требую клятвы, что ты никому не скажешь никогда, что ты Кико Тавадзе. Если же проговоришься, то...

Вано не договорилъ, но его глаза достаточно ясно говорили, что онъ хотѣлъ сказать.

Тутъ Гассанъ что-то сказалъ по-татарски, чего Кико не понялъ. Ему по-татарски же отвѣтилъ Вано, послѣ чего Гассанъ вынулъ мѣшокъ, въ которомъ зазвучали монеты, и передалъ его Вано. Тотъ сразу точно повеселѣлъ и сказалъ, обращаясь къ Кико:

— Итакъ, ты даешь слово, что никому не скажешь, что ты Кико Тавадзе.

— Даю!—отвѣтилъ Кико, закусивъ губы.

— Смотри, держи его, а то тебѣ же худо будетъ,— замѣтилъ Вано.

— Князья Тавадзе привыкли держать данное слово... Они не разбойники и...

— Молчи! А то я...

И Вано уже хотѣлъ броситься на Кико съ кулаками.

Но тутъ старикъ Гассанъ заслонилъ собою мальчика.

— Онъ не принадлежитъ тебѣ больше, Вано. Онъ купленъ черезъ мое посредничество пашою Османомъ, и ты не можешь бить его, — произнесъ спокойно старикъ.

Вано, красный отъ ярости, заскрежеталъ зубами.

На дворѣ Кико обняла блѣдная, какъ смерть, Като. Она боялась плакать. Она молча повѣсила ему черезъ плечо на алой лентѣ чунгури и прошептала:

— Молись Богу, Кико! Молись, мой милый, и надѣйся, что Богъ тебя не оставитъ!

А Горго кинулся ему со слезами на шею:

— Если тебѣ все-таки удастся спастись,—не мсти моему отцу и братьямъ, Кико...—прошепталъ онъ.

— Я не сдѣлаю этого ради твоей матери и тебя,— отвѣчалъ, въ свою очередь обнимая его, маленькій плѣнникъ.

Остальные четверо троюродныхъ братьевъ смотрѣли во всѣ глаза на Кико, стараясь поймать выра-

женіе страха въ его глазахъ и издѣваясь надъ нимъ.

— Небось, въ домѣ турецкаго паши придется познакомиться ему съ плетьми и нагайкой,—произнесъ, скаля зубы, Давидка.

— Да, ужъ плетей ему не миновать!—вторилъ ему Максимъ.

— А ты предпочелъ бы вмѣсто нихъ шербетъ и медовыя лепешки?—острилъ рыжій Михако.

Даже глупый Дато тихо хихикалъ, лукаво поглядывая изъ-подъ надвинутой на самыя брови папахи.

— Стыдно вамъ, дѣти. Откуда у васъ столько злобы къ Кико,—пристыдила своихъ сыновей Като.

— Оставь, мать. Мы знаемъ, что говоримъ,—грубо отвѣтилъ Давидка.—А вотъ лучше дай сюда ножницы, надо срѣзать кудри этому бездѣльнику да переодѣть его въ бешметъ бѣднаго лезгина, а то еще узнаетъ кто-нибудь въ немъ наслѣдника Тавадзе, и тогда намъ не сдобровать.

Черезъ нѣсколько минутъ передъ Кико появились ножницы и лохмотья нищаго. И Кико, дѣйствительно, преобразился. Коротко остриженный, въ рваной старой одеждѣ и ветхой папахѣ, онъ уже мало походилъ на богатаго наслѣдника знатнаго Алазанскаго рода. Только нарядная чунгури, перекинутая черезъ плечо на алой лентѣ, скрашивала его нищенскій нарядъ.

— Я все-таки боюсь, какъ бы этотъ мальчишка не выдалъ насъ,—замѣтилъ Вано, обращаясь къ Давидкѣ.

Но тутъ Кико, блѣдный, но спокойный, выступилъ впередъ.

— Успокойся, Вано. Ради тети Като и Горго, я даю клятву не мстить и молчать о томъ, что произошло, потому что они оба сдѣлали все, чтобы хоть сколько-нибудь облегчить мою неволю...

Тутъ Кико бросился къ Като и горячо обнялъ ее. Затѣмъ онъ обнялъ Горго, кивкомъ головы, полнымъ достоинства, поклонился остальнымъ мальчикамъ и рѣшительно подошелъ къ одной изъ двухъ лошадей, которую держалъ на поводу рыжій Михако.

Когда Кико и Гассанъ были уже верхомъ на лошадяхъ, къ стремени Кико съ тихимъ плачемъ бросилась Магуль.

— Я полюбила тебя какъ брата!—говорила дѣвочка, обливаясь слезами.—Али умеръ, остался ты... И о тебѣ я днемъ и ночью буду молить Аллаха, чтобы онъ помогъ тебѣ спастись...

Вано выхватилъ нагайку и изо всѣхъ силъ ударилъ ею дѣвочку. Магуль дико вскрикнула, но не отскочила отъ сѣдла. Напротивъ, еще сильнѣе прижалась она къ крутому боку лошади, на которой сидѣлъ Кико, и зашептала такъ тихо, что ее могъ разслышать только Кико:

— Помни, аулъ Дуиди... гдѣ вы проведете первую ночь... Друга Али зовутъ Амедомъ, сыномъ Аслана... Ты убѣжишь къ нему, когда Гассанъ уснетъ... Сакля Амеда третья отъ мечети, запомни хорошенько...

Гассанъ подобралъ поводья и, приказавъ Кико ѣхать впереди, пустилъ лошадей легкой рысцою, со-

провождаемый криками и пожеланіями добраго пути Вано и его старшихъ сыновей.

Като, стоя между Горго и Магулью, провожала юнаго плѣнника молитвою, и слезы орошали ея печальное, взволнованное лицо.

ГЛАВА XX.

Жуткая ночь. Кико колеблется. Побѣда.

БЕЗКОНЕЧНЫЙ путь по раскаленнымъ солнцемъ горнымъ стремнинамъ. Впереди узкая змѣйка тропинки, прилѣпившаяся къ горному склону, а слѣва—зіяющая черная пропасть. Кико старается не смотрѣть въ нее. Какъ ни привыкъ къ горнымъ стремнинамъ мальчикъ, но голова кружится невольно при видѣ этихъ бездонныхъ проваловъ куда-то внизъ, куда то и дѣло падаютъ со звонкимъ шумомъ камешки, вырвавшіеся изъ-подъ копытъ горныхъ лошадей.

Солнце печетъ нестерпимо. У Гассана съ собою, въ привязанномъ къ сѣдлу бурдюкѣ, есть буза (кумысъ, кислое кобылье молоко). Онъ то и дѣло попиваетъ бузу черезъ узкое горлышко. Иногда передаетъ бурдюкъ Кико, и тотъ съ наслажденіемъ пьетъ прохладную кислую бузу.

Закусываютъ они чуреками и кусками вяленой баранины.

Но Кико не до ѣды. Одна мысль, все одна и та же сверлитъ его мозгъ: если бы встрѣтить кого-либо изъ Алазанскихъ!... Если бы хотя кто-нибудь изъ Телова попался на ихъ пути и узналъ его, Кико!.. Но это напрасныя надежды—ихъ путь лежитъ далеко въ сторонѣ отъ милой Грузіи, тянется горами на Батумъ, какъ сказалъ ему Гассанъ. Старикъ, впрочемъ, мало разговаривалъ съ мальчикомъ. За все время Кико успѣлъ узнать отъ своего спутника лишь то, что они поѣдутъ верхомъ до Батума, а тамъ въ портѣ сядутъ на торговое мачтовое судно, которое и отвезетъ ихъ моремъ въ Константинополь, или Стамбулъ, какъ назвалъ Гассанъ турецкую столицу. Вообще Гассанъ былъ неразговорчивъ съ мальчикомъ. Изрѣдка только перебрасывался онъ незначительными фразами со своимъ юнымъ спутникомъ, больше насчетъ направленія, такъ какъ Кико ѣхалъ впереди.

Однако къ вечеру перваго дня ихъ пути Гассанъ замѣтно оживился и, указывая нагайкой по направленію къ ущелью, откуда синеватой струйкой курился дымокъ, произнесъ:

— Это аулъ Дуиди. Тамъ мы нынче переночуемъ съ тобою.

Сердечко Кико забилось. Какъ близко, какъ возможно для него теперь счастье! Аулъ Дуиди... Другъ покойнаго Али, Амедъ... Али и Магуль хорошо и подробно указали его саклю—третья сакля отъ мечети, подлѣ лавки оружейника... О, какъ легко будетъ найти Амеда и спастись!

Но... честное слово, данное Като?

И снова какъ-будто въ темную бездну упало сердечко Кико.

* *
*

Въ аулѣ они остановились у крайней сакли. Тамъ жилъ знакомый Гассана, рыжебородый важный старикъ. Оповѣщенный объ ихъ пріѣздѣ, онъ вышелъ изъ сакли и почтительно поддерживалъ стремя Гассана, пока тотъ слѣзалъ съ коня.

— Входи, дорогой гость, благословенный Аллахомъ,—произнесъ онъ.—Мой домъ къ твоимъ услугамъ, мои дѣти—твои рабы, и я самъ—твой слуга.

Тотчасъ же поднялась суматоха въ саклѣ. Забѣгали дочери и сыновья хозяина. Гдѣ-то жалобно заблеялъ барашекъ, котораго повели закалывать ради дорогого гостя, чтобы приготовить изъ него вкусное жаркое. Жена хозяина принесла въ кунацкую дымящійся ужинъ и большой бурдюкъ съ бузою, которая замѣняетъ магометанамъ вино.

Гостепріимный хозяинъ угощалъ Гассана и Кико съ рѣдкимъ радушіемъ.

— Ѣшь, ѣшь,—приговаривалъ хозяинъ, поглаживая мальчика по головѣ,—ѣшь, Самитъ, внукъ Гассана. Хорошій аппетитъ можетъ быть только у человѣка съ чистой совѣстью. А твоя, мальчуганъ, совѣсть должно быть чиста, какъ вода горнаго ключа, если судить по твоимъ глазамъ, честнымъ и милымъ.

Обильный ужинъ и буза сдѣлали свое дѣло. Поужинавъ, Гассанъ и усердно угощавшіеся вмѣстѣ съ гостемъ хозяева почувствовали непреодолимое желаніе

уснуть. И прежде чѣмъ мѣсяцъ взошелъ на небѣ, всѣ уже крѣпко спали, растянувшись на буркахъ и коврахъ на плоской крышѣ сакли.

Прежде чѣмъ уснуть, Гассанъ приказалъ Кико лечь подлѣ него. Мальчикъ повиновался.

Вотъ, наконецъ, совсѣмъ стемнѣло въ аулѣ, и полная тишина воцарилась на его узкихъ улочкахъ. Только иногда то тутъ, то тамъ тявкали сторожевыя собаки. Хозяева сакли и Гассанъ дружно храпѣли на крышѣ сакли. Крѣпкій сонъ овладѣлъ всѣми ими.

Одинъ Кико не спалъ.

Взошелъ мѣсяцъ на небѣ и освѣтилъ аулъ. Видно стало все, между прочимъ, мечеть, лавку оружейника и третью саклю—саклю Амеда, друга покойнаго Али. Она была вся, какъ на ладони, видна Кико, находившемуся на крышѣ и не смыкавшему глазъ своихъ. И тамъ, въ саклѣ, мерцалъ слабый огонекъ. Значитъ, тамъ еще не спятъ, и если онъ, Кико, встанетъ сейчасъ, и, крадучись, спустится внизъ,—всего въ двѣ-три минуты онъ перебѣжитъ улочку и очутится у завѣтной сакли. А тамъ Амедъ взнуздаетъ коня и умчитъ его туда внизъ, далеко, въ золотыя долины Кахетіи, на милую Алазань, въ объятія дорогого отца.

Кико чуть не задохнулся отъ безумнаго прилива счастья, ворвавшагося вихремъ въ его юную душу... Свобода близка и возможна. Только бы кошкой прокрасться внизъ, не разбудивъ хозяевъ и Гассана.

Онъ тихо, едва двигаясь, приподнялся на локтѣ, осмотрѣлся, чутко прислушался къ храпу спавшихъ и вскочилъ ловкимъ и быстрымъ движеніемъ на ноги.

Безшумно и тихо миновалъ онъ сонныхъ людей и занесъ уже ногу на ступеньки лѣстнички, выбитой въ скалѣ, примыкавшей къ саклѣ... И точно ударомъ молота толкнулась въ его голову все та же ужасная мысль:

— А клятва, данная Като? А давное слово не дѣлать попытокъ къ бѣгству?.. Или ты, маленькій князь Тавадзе, пожелаешь быть клятвопреступникомъ и лгуномъ?..

И все же лѣстница непреодолимо притягивала его къ себѣ, а огонекъ изъ сакли Амеда такъ призывно сіялъ ему въ глаза...

Тогда, чтобы прервать этотъ соблазнъ, Кико схватился съ отчаяніемъ за голову и громко крикнулъ:

— Проснись, Гассанъ! Проснись во имя Бога и держи меня крѣпко-крѣпко!.. Я не хочу сдѣлать подлаго дѣла... Я не хочу быть лжецомъ... Удержи меня...

И когда удивленный старикъ спросонья бросился къ нему, Кико уже лежалъ на своемъ ложѣ изъ бурокъ въ углу кровли и кусалъ себѣ губы, чтобы не разрыдаться на весь аулъ...

ГЛАВА XXI.

«Бѣлая звѣзда». Странная команда. Бунтъ.

Вотъ море.

Кико широко раскрылъ глаза, когда они съ Гассаномъ, послѣ трехсуточнаго пути, съ ночевками въ аулахъ, подъѣхали, наконецъ, къ порту, находившемуся на краю большого города. Ни моря, ни города не зналъ Кико, никуда не выѣзжавшій изъ своихъ помѣстій. И моря онъ не видѣлъ еще. Какъ оно красиво въ этомъ легкомъ волненіи съ бѣгающими по немъ, точно барашки, волнами!

— Это Батумъ,—сказалъ Гассанъ, указывая на рядъ домовъ на берегу.—Здѣсь уже ждетъ корабль, который повезетъ насъ въ Турцію, въ Стамбулъ... Мой родственникъ уговорился съ капитаномъ, и для насъ оставлены мѣста...

Въ порту, отдѣльно отъ другихъ, стояло небольшое мачтовое судно. Оно было бѣлое и называлось «Бѣлая Звѣзда».

— Вотъ это судно отвезетъ насъ въ Стамбулъ,— кратко пояснилъ Гассанъ.

На пристани ждалъ какой-то татаринъ. Завидя издали Гассана, онъ почтительно бросился ему навстрѣчу и помогъ слѣзть съ коня; затѣмъ взялъ обѣихъ лошадей за повода и, перебросившись съ Гассаномъ нѣсколькими фразами на непонятномъ Кико нарѣчіи, исчезъ съ конями, точно провалился сквозь землю.

Былъ нѣсколько сумрачный и дождливый вечеръ. Дулъ сѣверный вѣтеръ, и парусное судно слегка покачивалось на неспокойной поверхности моря.

На палубѣ Кико увидѣлъ высокаго, сумрачнаго вида, капитана корабля, въ плащѣ и фуражкѣ, два десятка матросовъ и безчисленное количество мѣшковъ съ товарами. Кромѣ нихъ съ Гассаномъ, пассажировъ не было. Капитанъ немедленно подошелъ къ Гассану и привѣтствовалъ его по-грузински.

— Вотъ мой внукъ Самитъ,—назвалъ своего юнаго спутника Гассанъ.

Капитанъ былъ не изъ любопытныхъ, потому что только мелькомъ взглянулъ на мальчика и пошелъ отдавать команду къ отплытію.

Забѣгала команда по палубѣ, заскрипѣли снасти, надулись паруса, и «Бѣлая Звѣзда» плавно закачалась на поверхности моря.

Кико стоялъ на ея кормѣ подлѣ Гассана и впивался глазами въ постепенно удалявшійся отъ нихъ берегъ съ незнакомымъ городомъ. И сердце бѣднаго мальчика разрывалось на части въ эти минуты.

— Отецъ! Отецъ!—рыдало это маленькое благородное сердечко.—Гдѣ ты, мой дорогой батюшка? Чувствуешь ли ты, что навсегда увозятъ отъ тебя твоего «бичо-джана», твоего единственнаго мальчика?.. Чувствуешь ли ты, что мы не увидимся никогда, никогда больше съ тобою?..

Гассанъ, озябшій на палубѣ подъ вѣтромъ и дождемъ, скрылся въ каюту, позвавъ за собою Кико. Но мальчику не хотѣлось уходить. На палубѣ въ темнотѣ, среди ненастья, онъ могъ спокойно, не боясь показаться малодушнымъ, отдаться своему горю. Онъ опустился на тюки съ товарами и далъ полную волю слезамъ. Вѣтеръ ревѣлъ и метался надъ его головою, дождь хлесталъ его тяжелыми каплями, а онъ не чувствовалъ ничего, кромѣ своего горя..

Уставъ думать и плакать, Кико, измученный до потери силъ, забылся, наконецъ, тяжелымъ сномъ, полнымъ мучительныхъ видѣній.

Онъ видѣлъ Вано и его сыновей, чувствовалъ на себѣ удары нагайки разсвирѣпѣвшаго дяди, слышалъ слезы и мольбы Като, Горго и Магуль... Но яростные крики Вано заглушали мольбы и слезы тетки. Все яростнѣе и яростнѣе звучали крики дяди Вано. Вотъ они перестали быть похожими на человѣческіе, и теперь былъ слышенъ одинъ только сплошной ревъ...

Сонъ мгновенно оставилъ Кико. Онъ поднялъ голову съ мѣшка, на которомъ лежалъ, открылъ глаза и осмотрѣлся.

«Бѣлая Звѣзда» боролась съ бурей. Волны бѣшено наскакивали на нее, точно дикіе звѣри, и за-

ливали сильно накренившуюся на бокъ часть палубы. Разъяренный вѣтеръ рвалъ паруса. Но сквозь его дикій вопль и шумъ волнъ Кико услышалъ и другіе звуки. Они исходили изъ той части судна, гдѣ находилась подъ палубой каюта капитана.

Это были дикіе крики нѣсколькихъ человѣкъ, какія-то угрозы и брань.

Мальчикъ быстро вскочилъ на ноги и кинулся туда, откуда слышались эти крики. Придерживая одной рукой свою драгоцѣнную чунгури, съ которой онъ не разставался ни на мгновеніе за все время пути, и держась другою рукой за перила залитой водою лѣстницы, Кико сталъ осторожно спускаться въ каюту.

При свѣтѣ слабо мерцавшаго фонаря онъ увидѣлъ дверь, позади которой уже опредѣленно и ясно раздавались теперь бѣшеныя угрозы и брань.

Быстрымъ движеніемъ руки мальчикъ рванулъ дверь къ себѣ и очутился въ каютѣ. Тамъ находилась едва ли не вся команда «Бѣлой Звѣзды», тѣсно окружавшая капитана. Кико увидѣлъ блѣдныя, перекошенныя яростью лица, сверкающіе недобрымъ огнемъ глаза, дрожащія руки, зажатые кулаки.

Люди въ каютѣ не замѣтили его появленія и продолжали злобно выкрикивать всевозможныя угрозы, относившіяся къ стоявшему въ кругу этой разсвирѣпѣвшей толпы капитану. Онъ былъ очень блѣденъ, но спокоенъ. Кико видѣлъ его смуглое лицо, въ которомъ не дрожалъ и не двигался ни одинъ мускулъ.

— Вы должны вести наше судно въ Стамбулъ, капитанъ! Слышите! Мы этого требуемъ,—кричали матросы.

— Я вамъ объяснилъ уже, — отвѣтилъ твердо капитанъ,—что это невозможно... Море бушуетъ такъ, что того и гляди разобьетъ въ щепки наше судно... И буря становится все сильнѣе и сильнѣе. Намъ ничего не остается, какъ повернуть обратно въ Батумъ и ждать, пока море успокоится. Моя совѣсть не позволяетъ мнѣ вести корабль на вѣрную гибель...

— Но мы требуемъ, чтобы вы вели судно въ Стамбулъ... Понимаете, капитанъ, мы требуемъ!—кричалъ одинъ изъ матросовъ, ободряемый своими товарищами.

— И если вы не исполните нашего требованія, мы сами поведемъ корабль, а васъ сбросимъ въ море!—прибавилъ другой.

Капитанъ выждалъ, пока они немного стихли, и произнесъ спокойно:

— Вы можете дѣлать со мною, что хотите, потому что я одинъ, а васъ двадцать слишкомъ человѣкъ, но въ Стамбулъ мы плыть сегодня никакъ не можемъ, потому что буря крѣпнетъ съ каждымъ часомъ и «Бѣлой Звѣздѣ» не устоять противъ нея: наше судно погибнетъ и вы всѣ вмѣстѣ съ нимъ... Я отвѣчаю за вашу жизнь, ради васъ же не могу вести судно дальше... Кромѣ того, вѣдь вы не одни на суднѣ. Наши пассажиры, татаринъ со своимъ внукомъ, подвергаются опасностямъ пути, а ихъ жизнь ляжетъ тяжелой отвѣтственностью на нашу совѣсть... Итакъ, еще разъ, я приказываю вамъ повернуть назадъ и держать путь обратно къ Батуму.

— Нѣтъ, мы требуемъ, чтобъ вы, капитанъ, вели

судно въ Стамбуль!—раздалось въ отвѣтъ нѣсколько голосовъ.

— Какъ смѣете вы идти противъ желанія команды!—послышался голосъ совсѣмъ еще молоденькаго юнги.

Капитанъ смѣрилъ его презрительнымъ взглядомъ съ головы до ногъ.

— Ты еще не выросъ достаточно для того, чтобы спорить со мною,—произнесъ онъ спокойно.

Одинъ изъ матросовъ протискался впередъ и крикнулъ запальчиво:

— Ясное дѣло: капитанъ, очевидно, хочетъ, чтобы мы потерпѣли убытки. Если мы не поспѣемъ съ нашими товарами въ Стамбулъ къ кануну праздника, никто не купитъ у насъ товара... Что тутъ долго разговаривать. Сбросимъ его въ море, а сами проплывемъ къ Стамбулу. Авось, буря не помѣшаетъ намъ...

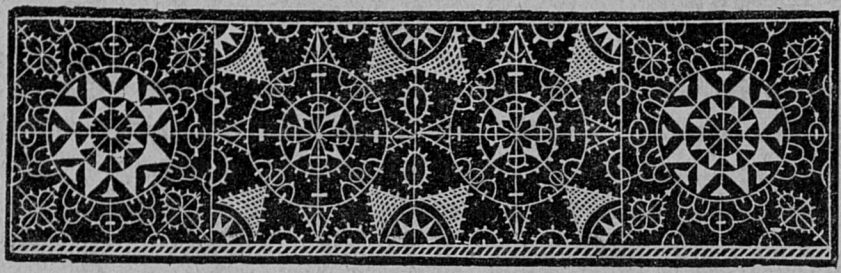
И онъ ринулся на капитана, въ то время какъ другіе стояли въ нерѣшительности, переминаясь съ ноги на ногу.

На мгновеніе завязалась борьба. Отброшенный ударомъ кулака капитана, дерзкій матросъ отлетѣлъ на нѣсколько шаговъ.

Это словно послужило сигналомъ. Нѣсколько человѣкъ сразу ринулись на своего начальника.

Кико видѣлъ, какъ сильныя руки капитана отбрасывали то одного, то другого. Мальчикъ весь загорѣлся жгучимъ желаніемъ помочь этому благородному человѣку. Но что онъ, ребенокъ, могъ сдѣлать, одинъ противъ двадцати? Если бы у него было хоть

какое-нибудь оружіе въ рукахъ... Да и оно едва ли могло спасти жизнь капитана. Вдругъ онъ вспомнилъ: развѣ его чунгури не можетъ сослужить ему службу? Кико быстро отпрянулъ за дверь, сорвалъ съ плеча свой инструментъ и ударилъ пальцами по его струнамъ. Ударилъ и запѣлъ чудесную, всѣмъ на Востокѣ извѣстную мелодичную пѣснь о родинѣ, красивую, полную чувства и словно рыдающую безъ словъ...



ГЛАВА XXII.

Матросы слушаютъ пѣніе Кико. Новая опасность.

ВѢТЕРЪ стихъ на нѣкоторое время какъ будто для того, чтобы матросы могли услышать чудесный, рыдающій голосъ юнаго пѣвца.

Въ его пѣснѣ говорилось о любви матери и колыбельномъ пѣніи послѣдней, о тихихъ долинахъ родины, о далекомъ дѣтствѣ, о дружбѣ и любви къ людямъ, о чувствѣ братства и сердечной близости другъ къ другу и обо всемъ свѣтломъ, хорошемъ и ясномъ, что существуетъ въ мірѣ среди людей.

И неожиданно раздавшееся пѣніе, и голосъ Кико, нѣжный и звонкій голосъ алазанскаго соловушки, и восточныя слова, и знакомый каждому изъ всей этой команды мотивъ, такъ какъ пѣснь Кико имѣлась на всѣхъ восточныхъ языкахъ, и самъ пѣвецъ, скрытый за дверью,—все это какъ будто зачаровало взбунтовавшуюся команду.

Вмѣсто того, чтобы броситься на капитана и привести въ исполненіе угрозу, матросы стояли, точно вкопанные, прислушиваясь къ пѣнію.

Когда Кико кончилъ, первый опомнился боцманъ.

— Богъ вѣсть, почему я вспомнилъ сейчасъ свою мать,—произнесъ онъ, избѣгая глядѣть въ лицо капитана.

— А я своихъ дѣтокъ, которыя остались въ Батумѣ,—произнесъ другой матросъ.

— Моя покойная жена какъ будто прошла передъ нами,—вырвалось у третьяго.

— Но кто же этотъ ангелъ, умѣющій такъ пѣть?—зазвучали другіе голоса.

Быстро распахнулась дверь, и двое матросовъ выглянули изъ-за нея и увидѣли Кико.

— Внукъ нашего пассажира Гассана! — вырвалось у нихъ изъ груди.

— Ну, мальчуганъ, самъ того не вѣдая, ты спасъ насъ отъ очень дурного поступка,—проворчалъ присоединившійся къ нимъ боцманъ.

И вся команда стала медленно расходиться, стараясь не смотрѣть на все еще стоявшаго въ сторонѣ капитана.

— А все же мы плывемъ въ Стамбулъ!—крикнулъ съ палубы чей-то упрямый голосъ.—Вы не хотите, капитанъ, вести наше судно, такъ мы сами его поведемъ!

— Это обойдется въ нѣсколько человѣческихъ жизней... Берегитесь, еще разъ предупреждаю васъ объ этомъ,—отвѣтилъ капитанъ снизу.

Чунгури умолкла, и сладкій голосъ Кико затихъ. Капитанъ подошелъ къ мальчику, взялъ его за руку и ввелъ въ свою каюту.

— Ты Самитъ, внукъ Гассана?—произнесъ онъ и глубоко заглянулъ ему въ глаза.—Но почему ты пѣлъ по-грузински?

Кико быстро опустилъ свои глаза. Молчаніе было его отвѣтомъ. Онъ не хотѣлъ лгать, когда не могъ сказать правды.

— Ты внукъ Гассана?—еще разъ спросилъ капитанъ.

И опять промолчалъ Кико.

— Откуда же ты знаешь нашу дивную грузинскую пѣснь? Я тоже грузинъ, мальчуганъ, и смогу отличить грузина—своего одноплеменника.

Затѣмъ, пристально посмотрѣвъ въ лицо Кико, капитанъ заявилъ:

— Нѣтъ... нѣтъ... этого не можетъ быть... Ты не внукъ Гассана... О, нѣтъ! Скажи же, кто ты? Скажи всю правду...

Кико молчалъ.

— Скажи же, мальчикъ. Почему ты скрываешь? Вѣдь ты не внукъ Гассана?

— Я не могу лгать: я не внукъ Гассана. Но я далъ слово, капитанъ, никому не открывать, кто я,—произнесъ Кико гордо.—И я долженъ сдержать его во что бы то ни стало.

— Кто бы ты ни былъ, мальчикъ, я долженъ отплатить тебѣ за услугу... Вѣдь если бы не твое какъ разъ во-время подоспѣвшее пѣніе, мои взбунто-

вавшіеся люди выкинули бы меня за бортъ, и я отплачу тебе, если понадобится, жизнью за жизнь, — сказалъ капитанъ и пожал руку Кико, как взрослому человѣку.

— Моя команда, всѣ эти матросы — это бѣдные торгаши, — говорилъ онъ минутой позднѣе. — Они скупаютъ товары въ Батумѣ и Сухумѣ и отвозятъ ихъ въ Турцию, где и продаютъ на рынке въ Стамбулѣ. Вотъ и въ этотъ разъ мое судно должно было плыть туда, въ Стамбулъ. но сегодня нельзя плыть туда. Буря свирѣпѣетъ съ каждымъ часомъ, и судну грозитъ опасность. Но эти люди, жадные до наживы, не хотятъ понять этого... Ты видишь оне, несмотря на мое запрещеніе, все-таки плывутъ впе... Капитанъ не докончилъ начатой фразы и, весь блѣдный, отпрянулъ назад, успѣвъ схватить за руку Кико.

Страшный, какъ громъ, оглушительный трескъ раздался гдѣ-то на противоположномъ концѣ судна, и въ тотъ же мигъ поднялись вопли, испуганные крики и возгласы отчаянія.

— Я это предвидѣлъ! — воскрикнулъ капитанъ и, не выпуская руки Кико изъ своей, бросился съ нимъ на палубу.

Волны уже залили большую часть палубы, когда капитанъ появился на ней объ руку съ Кико. По дорогѣ имъ попался блѣдный, какъ смерть, Гассанъ.

—Мы тонемъ! Мы тонемъ! Вели снаряжать лодку! Лодку, капитанъ! —кричалъ онъ, мѣшая грузинскія и татарскія слова.

—Снаряжай лодку! —прозвучалъ по всѣму судну энергичный голосъ капитана.

Лодки нѣтъ... Волны сорвали шлюпку и унесли въ море... —послышался отвѣтный голосъ изъ темноты. Ветеръ покрылъ эти слова страшнымъ ревомъ. Гассанъ метался по палубѣ и призывалъ помощь Аллаха.

Мы гибнемъ! Мы гибнемъ! Аллахъ, спаси насъ! —кричалъ онъ, глядя округлившимися глазами отъ ужаса глазами на прыгавшіе вокругъ него волны. Капитанъ посмотрѣлъ на Кико, перевелъ взглядъ на Гассана и, положивъ руку на плечо старика, произнесъ по татарски:

—Ты правъ, старикъ, мы гибнемъ... Нѣтъ надежды на спасеніе... Ты, этотъ мальчикъ, мои люди и я самъ предстанемъ раньше, чѣмъ черезъ часъ, передъ лицомъ твоего Аллаха и нашего Бога... такъ не уноси же съ собою нераскаявшейся совѣсти, старикъ, и раскрой въ страшные предсмертныя минуты, кто этотъ мальчикъ, котораго ты называешь своимъ внукомъ. Вѣдь я знаю, я догадываюсь, что онъ не изъ твоей семьи... Гассанъ дико вскрикнулъ и упалъ на колѣни на мокрую палубу, среди бушевавшихъ волнъ.

Аллахъ! Аллахъ! Неужели я долженъ умереть сію минуту? —лепеталъ онъ, какъ безпомощный ребенокъ. — О, я несчастный!..

Облегчи свою душу покаяніемъ... Тебѣ будетъ легче, старикъ, — сурово произнесъ капитанъ. —Кто этотъ мальчикъ? Говори, пока не поздно.

Капитанъ молча стоялъ у борта, прижимая къ себѣ Кико...

Гос.
Публичная
Библиотека

— О, господинъ, я... я... готовъ все... сказать... быть можетъ, Аллахъ смилуется надо мною... Господинъ капитанъ... да, онъ не мой внукъ... Но я не виноватъ въ его несчастіи... Мнѣ его продалъ одинъ человѣкъ для паши Османа въ Турціи, продалъ его, какъ лучшаго пѣвца Грузіи... Я былъ только посредникомъ... Я не кралъ этого ребенка у его отца...

— Ты не виноватъ? Такъ скажи, кто онъ? Кто этотъ мальчикъ?—еще строже и суровѣе произнесъ капитанъ.

— Кто онъ?.. Такъ и быть, скажу... Этотъ мальчикъ—князь Кико Тавадзе, сынъ князя Павле Тавадзе, алазанскаго богача...—раздался тихій, но внятный отвѣтъ стараго татарина.

Радостный крикъ Кико огласилъ всю палубу.

Несмотря на опасность, несмотря на то, что всѣмъ людямъ на суднѣ грозила неминуемая и скорая смерть, Кико мысленно рѣшилъ, что теперь, когда правда помимо него была узнана, добрый капитанъ вернетъ его къ отцу... Онъ поднялъ на капитана глаза съ робкой надеждой.

Блѣдный, взволнованный, капитанъ въ это время уже кричалъ громкимъ, дрожащимъ голосомъ:

— Спасайтесь всѣ!.. Надѣвайте круги и бросайтесь въ воду... «Бѣлая Звѣзда» черезъ нѣсколько минутъ пойдетъ ко дну!..

Въ ту же минуту Кико почувствовалъ плотный спасательный кругъ, обхватившій его станъ...

Минутой позднѣе, онъ увидѣлъ страшную суматоху на палубѣ... Увидѣлъ при свѣтѣ поминутно потухавшихъ фонарей метавшуюся команду, услышалъ

всплески воды за бортомъ, крики о помощи, звукъ грузно падавшихъ въ воду тѣлъ и голосъ обезумѣвшаго отъ страха Гассана, твердившаго молитвы.

Капитанъ молча стоялъ у борта, держась одною рукой за снасти, другою прижимая къ себѣ Кико.

— Какъ капитанъ, я не могу оставлять судна, пока послѣдній матросъ не покинетъ его...—произнесъ онъ, обращаясь къ Кико.—Но я все-таки постараюсь спасти тебя, мой мальчикъ... Я привяжу тебя къ себѣ веревкой и тамъ, въ морѣ, на спасательныхъ кругахъ, быть можетъ, намъ удастся избѣгнуть гибели...

Въ отвѣтъ Кико только пожалъ державшую его сильную руку.

Прошла еще минута... другая... третья... и со страшнымъ стономъ, скрипя всѣми своими полуразрушенными снастями, «Бѣлая Звѣзда» опрокинулась на бокъ и стала медленно погружаться въ воду.

Въ ту же минуту двѣ фигуры, одна большая, другая маленькая, медленно соскользнули съ борта и, привязанныя другъ къ другу веревкой, со спасательными кругами вокругъ тѣла, погрузились въ пѣнящуюся волну...

ГЛАВА XXIII.

Среди морскихъ волнъ.

ВЪ первую минуту Кико оглушили и паденіе, и ревъ свирѣпой стихіи, и холодная волна, окатившая его съ головой.

— Бодрись, мой мальчикъ... Еще есть надежда на спасеніе...—услышалъ онъ взволнованный голосъ капитана.

Спасательный кругъ держалъ мальчика на водѣ, но самая вода, клокочущая и кипящая, то высоко взбрасывала его на гребняхъ волнъ, то низко погружала въ свою пѣнящуюся холодную влагу.

— Держи голову выше!—командовалъ капитанъ, работавшій неустанно руками среди грозныхъ валовъ.

Но Кико ослабѣвалъ съ каждой минутой. Голова у мальчика мучительно кружилась. Мысли путались, а страшный шумъ и звонъ, не умолкая, наполняли уши. И — странно!—хотѣлось, забывъ обо всемъ, по-

грузить усталую голову въ студеную воду и забыться, уснуть навсегда.

Но голосъ капитана сразу мѣнялъ это рѣшеніе.

— Держи голову выше, а не то захлебнешься! Голову выше!

И прежняя бодрость снова возвращалась къ Кико. Но недолго оставалась она въ душѣ и въ тѣлѣ мальчика. Снова, изнемогая отъ усталости, закоченѣвъ въ холодной волнующейся вокругъ него стихіи, Кико сталъ поддаваться пріятному оцѣпенѣнію...

Еще минута... Набѣжалъ бѣшеный валъ и покрылъ его всего.

— Держись, князекъ... Я вижу огни съ какого-то судна невдалекѣ...

Это было послѣднее, что долетѣло до слуха Кико: онъ потерялъ сознаніе.

Онъ уже не чувствовалъ больше, какъ, держа его одной рукой на поверхности, капитанъ усиленно разбивалъ волны другою, борясь съ бѣшеной бурей, клокотавшей вокругъ. Не чувствовалъ и не видѣлъ, какъ показался невдалекѣ темный бортъ парохода, какъ спустили съ него шлюпку, какъ эта шлюпка среди бушующихъ волнъ заметалась имъ навстрѣчу, и какъ звалъ на помощь капитанъ,—ничего не слышалъ Кико. Безъ чувствъ лежалъ онъ въ объятіяхъ капитана погибшей «Бѣлой Звѣзды».

* *
*

Шлюпка подоспѣла во-время. Капитана съ его безчувственной ношей подобрали какъ разъ въ ту ми-

нуту, когда тотъ уже изнемогалъ въ борьбѣ съ бушующимъ моремъ.

На палубѣ парохода ихъ приняли самымъ радушнымъ образомъ. Оказавшійся здѣсь докторъ усиленно занялся безчувственнымъ Кико; искусственное дыханіе, растираніе и нѣсколько ложекъ рома помогли мальчику. Вода хлынула изо рта, и онъ открылъ измученные глазенки.

— Мы живы, капитанъ?—произнесъ онъ слабымъ голосомъ, увидѣвъ среди незнакомыхъ ему людей своего спутника по несчастію.—Славу Богу и святой Нинѣ!..

— Живы, мальчуганъ, живы и сегодня же, какъ только утихнетъ буря, отправляемся назадъ, чтобы ты могъ вернуться въ объятія твоего отца,—произнесъ капитанъ бодрымъ голосомъ и, наклонившись, поцѣловалъ гордый лобикъ маленькаго князя.

ГЛАВА XXIV.

Бичо-джанъ вернулся.

ЖАРКІЙ день смѣнился прохладнымъ вечеромъ, и вся Алазанская долина вздохнула облегченно послѣ знойнаго дня ранней осени.

Затихли голоса рабочихъ въ виноградникахъ, а въ самой усадьбѣ князя Павле Тавадзе стало еще тише, нежели днемъ. Старая Илита наблюдала за тѣмъ, какъ укладывали для дороги вещи ея господина. Шуша тоже помогала дворецкому приготовлять походный чемоданъ князя.

Нынче снова пускался въ дальнюю дорогу князь Павле, что повторялось уже долгое время, со дня пропажи маленькаго князька. Вернувшись изъ Тифлиса два мѣсяца тому назадъ и не найдя дома своего бичо-джана, своего единственнаго сокровища, князь Павле едва не лишился разсудка. Съ того же самаго дня онъ неустанно искалъ мальчика въ горахъ, посѣщая аулы, спускаясь въ низины, всюду проникая

со своими чепарами и данною ему намѣстникомъ полусотней казаковъ. Всѣ кавказскія газеты заговорили о пропажѣ богатаго Тавадзскаго наслѣдника. Князь Павле распространялъ безчисленныя объявленія, обѣщая наградить по-княжески того, кто вернетъ ему его сына. Но дни приходили и уходили, а маленькій бичоджанъ не находился, и отчаяніе все сильнѣе и сильнѣе охватывало омраченную непосильнымъ горемъ душу князя Павле.

Нынче онъ уѣзжалъ на самые дальніе розыски, въ горы, къ двоюродному своему брату Вано. Онъ рѣшилъ туда ѣхать, чтобы посовѣтоваться съ нимъ насчетъ дальнѣйшихъ поисковъ. У Вано, какъ у жителя далекаго лезгинскаго мѣстечка, могли быть кунаки среди горныхъ жителей, Вано могъ знать и коекого изъ душмановъ-разбойниковъ... А тѣ за хорошее вознагражденіе, можетъ быть, возьмутся отыскать Кико въ горахъ.

Въ томъ, что Бичо-джана украли душманы, въ надеждѣ на богатый выкупъ, князь не сомнѣвался ни минуты. Вѣдь подобные случаи бывали не разъ на Кавказѣ. Онъ только удивлялся, что его объявленія въ газетахъ о богатѣйшемъ выкупѣ за сына не подѣйствовали на похитителей, и тѣ не посылали отъ себя кого-нибудь для переговоровъ на Алазань.

Нынче князь уѣзжалъ надолго съ твердымъ намѣреніемъ или вернуться съ Кико, или уѣхать навсегда изъ алазанскихъ помѣстій, гдѣ жизнь безъ милаго мальчика представлялась князю ужаснѣе самой смерти.

Сейчасъ, передъ длинной дорогой, онъ сидѣлъ

мрачный и угрюмый на своей тахтѣ, куря изъ длиннаго чубука. Передъ нимъ стоялъ портретъ Кико, лежали чунгури мальчика, его учебныя тетрадки, его маленькій, точно игрушечный, кинжалъ. Всѣ эти вещи такъ живо напомнили князю его бичо-джана, что онъ закрылъ глаза рукою и подъ наплывомъ ужаснаго горя тихо застоналъ.

Легкій шорохъ въ углу заставилъ его придти въ себя и очнуться.

— Батоно-князь,—услышалъ онъ звонкій голосокъ Шуши,—по дорогѣ за поворотомъ въ усадьбу стелется облако пыли. Кто-то изъ гостей ѣдетъ навѣстить батоно.

— Прими ихъ порадушнѣе съ бабушкой Илитой, Шуша. Мнѣ самому не до гостей теперь: надо выѣзжать, ты знаешь. Солнце ужъ садится.

— Но, батоно... Можетъ быть, гости привезли вѣсти о бичо-джанѣ, нашемъ соколѣ миломъ...

— Да, да, ты вѣрно говоришь, Шуша,—отвѣтилъ князь.—Зови ихъ въ домъ, Шуша.

Шумъ отъ колесъ фаэтона и звуки лошадиныхъ подковъ, между тѣмъ, стали доноситься яснѣе. Вотъ близко, совсѣмъ близко коляска. Вотъ остановилась... Вотъ фыркнули кони... и въ эту же минуту громкій радостный крикъ Шуши и возгласъ безпредѣльнаго счастья Илиты прорѣзали вечернюю тишину.

Что-то ударило въ сердце князю... Какъ юноша, вскочилъ онъ съ тахты и бросился къ дверямъ. И вдругъ мгновенно замеръ на мѣстѣ, увидѣвъ на порогѣ знакомую, дорогую фигурку Кико.

— Кико! Мой бичо-джанъ! Ты ли это?!—не своимъ голосомъ крикнулъ князь...

Гос.
Публичная
Библиотека
в
Ленинграде.

— Кико! Мой бичо-джанъ! Ты ли это?!—не своимъ голосомъ крикнулъ князь.

— Я здѣсь, отецъ! Я вернулся! Я снова твой!—прозвенѣлъ нѣжный взволнованный голосъ. — Твой бичо-джанъ къ тебѣ вернулся, отецъ!..

И Кико упалъ на руки обезумѣвшаго отъ счастья князя Павле...

Долго-долго они не могли вдоволь насмотрѣться другъ на друга, не могли вдоволь наговориться. Все разсказалъ отцу Кико, но на просьбы князя повѣдать, кто были похитители его, маленькій князь отвѣчалъ молчаніемъ.

— Я далъ клятву, отецъ, и ты не долженъ мѣшать мнѣ сдержать ее, какъ подобаетъ истинному князю Тавадзе,—произнесъ съ достоинствомъ мальчикъ.

Князь понялъ сына, крѣпко пожалъ его маленькую сильную ручонку, и больше не разспрашивалъ его ни о чемъ.

* *
*

Нечего и говорить о томъ, какимъ желаннымъ гостемъ явился капитанъ погибшей «Бѣлой Звѣзды» въ усадьбѣ Тавадзе. Онъ вернулъ князю его сокровище. Онъ вернулъ отцу его бичо-джана, его маленькаго Кико.

Пробывъ нѣсколько дней въ помѣстьѣ, капитанъ собрался въ обратный путь.

— Останьтесь подольше у насъ,—предлагалъ ему князь Павле.

Но капитанъ отказался: ему необходимо было, по дѣламъ службы, уѣхать.

Когда наступило время отъѣзда, князь рѣшилъ было осыпать капитана богатыми подарками. Кромѣ того, узнавъ изъ разсказа капитана, что онъ человѣкъ небогатый, князь предложилъ ему огромную сумму денегъ, и былъ очень огорченъ, когда тотъ отказался и отъ подарковъ, и отъ денегъ.

— Нѣтъ, князь, я не могу принять отъ васъ награды. Вашъ сынъ сдѣлалъ для меня больше, князь. Онъ спасъ меня отъ позорной смерти,—заявилъ капитанъ и тутъ же еще разъ подробно разсказалъ князю о взбунтовавшейся командѣ «Бѣлой Звѣзды, о пѣніи маленькаго Кико, усмирившаго ярость матросовъ, изъ которыхъ, вѣроятно, немногіе спаслись въ ту ужасную ночь на обломкахъ корабля.

Провожаемый княземъ и маленькимъ Кико, капитанъ уѣхалъ, и въ помѣстьѣ Тавадзе жизнь опять потекла попрежнему. Только теперь князь Павле уже ни на минуту не оставлялъ сына, все опасаясь, не грозитъ ли ему какая-нибудь новая опасность, не явятся ли за нимъ опять его похитители.

Илита, Шуша и всѣ слуги тоже не спускали глазъ съ почти чудомъ возвращеннаго имъ любимаго маленькаго господина.

Старая Илита чуть не ослѣпла, выплакавъ всѣ слезы по своемъ орленкѣ за это ужасное время разлуки. А Шуша, которая со дня похищенія Кико вовсе разучилась смѣяться, теперь вновь хохотала при видѣ своего любимца, сидѣвшаго на тахтѣ подлѣ князя-

отца, и ея смѣхъ зазвучалъ снова по всему дому какъ серебряный колокольчикъ...

* *
*

«Нѣтъ ничего тайнаго, что бы не сдѣлалось явнымъ»,—говоритъ поговорка, и это оправдалось и на исторіи маленькаго Тавадзе.

Кико продолжалъ хранить свою «тайну» и ни единымъ словомъ, ни единымъ намекомъ не выдалъ, кто былъ виновникомъ его похищенія.

И, быть можетъ, князь никогда не узналъ бы тайны, если бы не выдалъ ея старый Гассанъ.

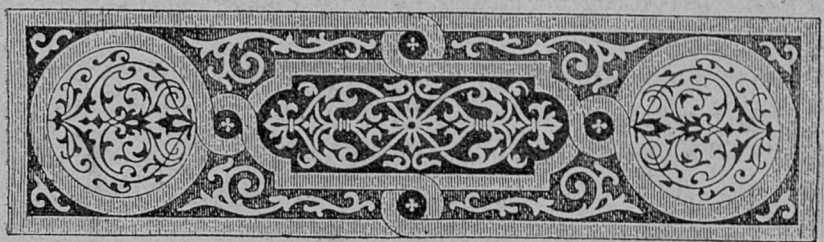
Далъ ли Гассанъ обѣщаніе, что въ случаѣ спасенія сдѣлаетъ доброе дѣло, или просто совѣсть заставила его покаяться во всемъ, но когда, послѣ гибели «Бѣлой Звѣзды, его дѣйствительно прибило къ берегу, первое, что онъ рѣшилъ сдѣлать, это отправиться къ алазанскому помѣщику князю Павле Тавадзе и разсказать ему исторію похищенія Кико.

Яснымъ осеннимъ вечеромъ онъ появился въ Алазанской долинѣ и чистосердечно разсказалъ князю Павле Тавадзе все случившееся съ его сыномъ, какъ и кѣмъ онъ былъ похищенъ, гдѣ и кѣмъ спрятанъ, а затѣмъ проданъ ему, Гассану. Ничего не скрылъ Гассанъ, все, что зналъ, до мельчайшихъ подробностей, передалъ въ длинномъ своемъ разсказѣ. И когда князь, призвавъ сына, спросилъ, такъ ли все это,—Кико, не умѣвшій лгать и запираться, тихо кивнулъ головою. Потомъ онъ бросился къ отцу, умоляя его

не наказывать похитителей,—не наказывать ихъ ради Като и Горго, которые были такъ добры и ласковы къ нему.

Но, если бы князь и не пожелалъ исполнить просьбы Кико, онъ не нашелъ бы Вано и его семьи въ горномъ гнѣздѣ.

Узнавъ о возвращеніи къ отцу алазанскаго наслѣдника и боясь возмездія со стороны князя, Вано, забравъ семью, исчезъ куда-то навсегда изъ горной башни надъ Койсу...



Заключеніе.

Это было давно, все что здѣсь разсказано мною. Тогда маленькій бичо-джанъ былъ еще прелестнымъ десятилѣтнимъ мальчуганомъ. Нѣсколько десятковъ лѣтъ прошло съ той поры. Князь Кико Тавадзе теперь пожилой человѣкъ и богатый владѣтель своихъ алазанскихъ помѣстій и горныхъ пастбищъ. Онъ давно женатъ, у него уже большія дѣти. Но онъ добръ и чуткъ, благороденъ и отзывчивъ попрежнему. Много помогаетъ онъ бѣднякамъ, и двери его дома всегда раскрыты настежь для всѣхъ нуждающихся въ его помощи и совѣтѣ.

Князя Павле и Илиты давно нѣтъ въ живыхъ. Веселая юная Шуша превратилась въ домовитую и хорошую хозяйку. Она вмѣстѣ съ мужемъ, управляющимъ князя, и семьею живетъ тутъ же въ усадьбѣ и часто разсказываетъ своимъ и княжескимъ дѣтямъ интересную исторію «бичо-джана», маленькаго алазанскаго князя.

ГПБ Русский фонд

37.71.5.27а